AS
36
Мик

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.

VIIIe SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ. | CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.

Томъ VI. № 4. | **Volume VI. № 4.**

Н. К. Никлашевскій.

ДРЕВНЕ-РУССКІЕ ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ КАДАСТРЫ.

(Доложено въ засѣданіи 3 октября 1902 года).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1903. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

Н. М. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петерб., Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
М. В. Клюкина въ Москвѣ,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фосса (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ,
Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ.

Commissionnaires de l'Académie Impériale des Sciences:

J. Glasounof, M. Eggers & Cie. et C. Ricker à St.-Pétersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna,
N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief,
M. Klukine à Moscou,
E. Raspopoff à Odessa,
N. Kymmel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipsic,
Luzac & Cie. à Londres.

Цѣна: 40 коп. — Prix: 1 Mrk.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Февраль 1903 года Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

336
11

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

Предлагаемая работа И. Н. Миклашевскаго, вѣроятно, должна была войти въ составъ введенія къ его изслѣдованію о сельскомъ хозяйствѣ и промышленности московской Руси XVII вѣка. Благодаря долговременнымъ занятіямъ въ московскихъ архивахъ ему удалось собрать обширный матеріалъ по избранной имъ темѣ; такъ какъ писцовыя книги занимали, конечно, главное мѣсто въ числѣ изучаемыхъ имъ источниковъ, то онъ и почувствовалъ потребность еще разъ вернуться къ обсужденію ихъ значенія для хозяйственной и финансовой исторіи Московскаго государства. Самъ авторъ называетъ свою работу «мыслями, которыя явились у него подъ вліяніемъ изученія довольно значительнаго количества памятниковъ этого рода»; не задолго до смерти, слишкомъ рано пресѣкшей его научную дѣятельность, онъ успѣлъ, однако, привести свои замѣтки въ порядокъ и, очевидно, приготовилъ ихъ для печати; редактору пришлось только добавить къ нимъ нѣсколько примѣчаній, для отличія отъ остальныхъ заключенныхъ въ прямыя скобки.

Древне-русскіе поземельные кадастры.

Писцовыя книги Московскаго Государства будутъ еще очень долго привлекать вниманіе историковъ и, въ особенности экономистовъ, интересующихся государственнымъ и народнымъ хозяйствомъ нашей родины въ 15—17 столѣтіяхъ[1]). Болѣе полустолѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ на памятники эти, содержащіе въ себѣ громадный запасъ свѣдѣній по географіи, статистикѣ, а также о различныхъ сторонахъ хозяйственнаго быта древней Руси, было обращено вниманіе изслѣдователей, но за весь этотъ долгій промежутокъ времени изученіе ихъ подвинулось очень мало. Не разъ дѣлались попытки систематическаго изданія этихъ памятниковъ; къ сожалѣнію, однако, онѣ очень скоро прекращались и лишь изрѣдка, въ разныхъ изданіяхъ, отрывисто и случайно эти памятники появлялись въ печати. Громадное количество писцовыхъ и другихъ, аналогичныхъ имъ книгъ, и поднесь хранится въ архивахъ и ждетъ издателей и изслѣдователей.

Изъ сказаннаго понятно, почему мы имѣемъ такъ мало ученыхъ работъ, написанныхъ на основаніи матерьяловъ, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ. Просматривая эти работы[2]) легко убѣдиться, что большая часть ихъ относится къ изученію матерьяловъ писцовыхъ и аналогичныхъ имъ по содержанію книгъ, составленныхъ въ концѣ 15-го и въ 16 столѣтіяхъ. Причины этого явленія заключаются во первыхъ въ томъ, что изученіе болѣе древнихъ памятниковъ, при современномъ состояніи нашихъ историческихъ знаній привлекаетъ гораздо болѣе изслѣдователей, справедливо ищущихъ въ нихъ ключа для разъясненія многихъ явленій новѣйшихъ періодовъ нашей исторіи, во вторыхъ въ томъ, что многія изъ сохранив-

---

1) Въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду только писцовыя книги и, притомъ, уѣздовъ. О другихъ книгахъ, аналогичнымъ писцовымъ, а также о писцовыхъ книгахъ городовъ, см. литературу, указанную въ сочиненіи автора «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства» на стр. 47, а также на стр. 57 и слѣд. названнаго сочиненія.

2) Наиболѣе важныя изъ этихъ работъ: Неволинъ, О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ; Лаппо, Тверской уѣздъ въ 16 вѣкѣ. Спб. 1894; Чечулинъ, Города Московскаго государства въ XIV вѣкѣ Спб. 1889; Рожковъ, Сельское хозяйство Московской Руси въ 16 вѣкѣ. Москва. 1899.

шихся писцовыхъ и другихъ книгъ 15 и 16 вѣковъ уже напечатаны, а въ третьихъ въ томъ еще, что общее число сохранившихся книгъ этого времени, равно какъ и выписей изъ нихъ въ разныхъ граматахъ 15 и 16 вѣковъ на столько не велико, что овладѣть всѣмъ матерьяломъ, въ нихъ заключающимся, не представляется невозможнымъ для ученаго, посвятившаго этому нѣсколько лѣтъ упорной работы. Иначе стоитъ дѣло относительно писцовыхъ и другихъ аналогичныхъ имъ книгъ, составленныхъ въ 17 вѣкѣ. По справедливому замѣчанію Н. А. Рожкова[1]) одна изъ причинъ слабаго нашего знакомства съ писцовыми книгами, особенно 17 столѣтія, заключается въ томъ, что, хотя «сводка ихъ въ таблицы, совершенно необходима по самой сущности источника, однако въ виду значительнаго количества ихъ она представляется трудомъ едва ли посильнымъ для одного человѣка». Если прибавить къ сказанному, что число напечатанныхъ писцовыхъ книгъ 17 вѣка прямо ничтожно, не только по отношенію къ числу сохранившихся, но и абсолютно, то причина нашего слабаго знакомства съ памятниками этого рода станетъ еще болѣе понятной.

Выше было сказано, что только немногіе ученые клали матерьялы, заключающіе въ писцевыхъ книгахъ, въ основаніе своихъ работъ, но мы тотчасъ же должны оговориться, что очень многіе ученые изслѣдователи пользовались писцовымъ матерьяломъ для разнообразныхъ цѣлей. Для многихъ изъ нихъ не было надобности подвергать матерьялъ этотъ какой-либо спеціальной критикѣ, ибо они изучали не цыфровыя данныя памятника, не порядокъ его составленія и сводки и т. д., а пользовались лишь для иллюстраціи или истолкованія той или другой стороны соціальнаго строя или жизни населенія. Тѣже ученые, которые подвергали анализуемый матерьялъ писцовыхъ книгъ и на основаніи послѣдняго строили тѣ или иные выводы, по преимуществу статистическаго характера, находились въ совершенно иномъ положеніи. Спеціальная критика памятника входила въ такихъ случаяхъ въ кругъ ученыхъ обязанностей изслѣдователя и въ дѣйствительности мы наблюдаемъ тотъ фактъ, что почти всѣ изслѣдователи, изучавшіе писцовыя книги съ только что указанной стороны, посвящали больше или меньше времени анализу происхожденія, способу составленія достовѣрности и точности заключающихся въ нихъ свѣдѣній и т. д.[2]). Къ числу изслѣдователей, положившихъ матерьялъ писцевыхъ

---

1) Н. Рожковъ, Къ вопросу о степени достовѣрности писцовыхъ книгъ; см. Древности. Труды Археограф. Ком. Импер. Моск. Арх. Общества, т. 1. вып. 2. 1898 г. стр. 185.

2) Неволинъ, Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до Императрицы Екатерины II. Полн. Собр. Соч. т. VI, стр. 431 — 517. Чечулинъ, Начало въ Россіи переписей и ходъ ихъ до конца XVI вѣка. Спб. 1889. Изд. журнала «Библіографъ». Рожковъ, Къ вопросу о степени достовѣрности писцовыхъ книгъ; ср. пред. прим.

книгъ въ основу своихъ работъ по исторіи русскаго народнаго хозяйства принадлежитъ и авторъ настоящаго труда. Въ сочиненіи, озаглавленномъ «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства»[1]), авторъ посвятилъ не мало страницъ критикѣ этого матерьяла. Въ виду будущихъ своихъ работъ, онъ чувствуетъ настоятельную потребность вновь вернуться къ этой критикѣ, чтобы еще разъ провѣрить тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и въ тоже время высказать нѣсколько мыслей, которыя явились у него подъ вліяніемъ изученія довольно значительнаго числа памятниковъ этого рода.

Въ другомъ мѣстѣ[2]) мною были подробно указаны тѣ цѣли, ради которыхъ въ древней Руси предпринимались своеобразные кадастры, извѣстные подъ названіемъ писцовыхъ описаній. Несомнѣнно — главная цѣль этихъ описаній была чисто финансовая—опредѣленіе числа податныхъ единицъ и оклада налоговъ на нихъ падавшаго. Но къ этой главной цѣли присоединилась очень рано еще и другая, которую можно назвать юридическою. Уже во второй половинѣ 14 вѣка памятники упоминаютъ о людяхъ данныхъ и письменныхъ, первыхъ русскихъ крѣпостныхъ крестьянахъ, «удерживаемыхъ на своихъ земляхъ не запрещеніемъ уходить, а запрещеніемъ владѣльцамъ другихъ земель принимать ихъ къ себѣ»[3]). Изъ этихъ данныхъ и письменныхъ людей составляется съ теченіемъ времени тотъ разрядъ крестьянъ, который въ 16 вѣкѣ получаетъ названіе старожильцевъ. Записка въ писцевыя книги является, какъ то доказано М. А. Дьяконовымъ[4]) юридическимъ основаніемъ крестьянской «крѣпости». Но мало того. Писцовыя книги съ теченіемъ времени становятся юридическимъ основаніемъ поземельнаго владѣнія; укрѣпленіе правъ на недвижимыя имущества, такъ называемая «записка» въ 17 столѣтіи происходила не иначе, какъ послѣ предварительной «справки» въ писцевыхъ или аналогичныхъ имъ книгахъ[5]). Гражданско-правовой интересъ составленія писце-

---

1) [Миклашевскій, Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства, М., 1894 г.,] стр. 28—64.

2) Миклашевскій, Op. cit., стр. 47 и слѣд.

3) П. Милюковъ, Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства Спб. 1892. стр. 19.

4) М. Дьяконовъ, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Спб. 1898, стр. 31.

5) Срав. К. Побѣдоносцевъ, Курсъ гражданскаго права ч. I. стр. 264. Для изученія вопроса о порядкѣ «записки» и «справки» недвижимыхъ имуществъ съ первой четверти 17 вѣка имѣютъ большое значеніе такъ называемыя «книги записныя даннымъ», хранящіяся въ Московск. Архивѣ Министерства Юстиціи (Общія № 5970 и частный 1—10). Книги эти были указаны намъ В. И. Холмогоровымъ, которому приносимъ за это нашу благодарность.

выхъ книгъ получилъ такое преобладающее значеніе въ 80-хъ годахъ 17 столѣтія, что заслонилъ собою цѣликомъ интересы фискальные, вызвавшіе къ жизни производство писцовыхъ описаній. Измѣнилась система взиманія налоговъ и потому мотивовъ «волового» т. е. общаго писцоваго описанія, предпринятаго въ указанное только что время, было выставлено, что «у помѣщиковъ и вотчинниковъ въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ и въ лѣсахъ и въ лугахъ и во всякихъ угодьяхъ межъ ими учинились споры и ссоры многіе и за то у нихъ напередъ сего были и нынѣ чинятъ межъ себя бои и грабежи и смертныя убійства» для устраненія чего великіе государи и указали «послати воловыхъ пизцевъ», чтобы «тѣ спорныя земли и всякія угодья развесть и помѣстныя и вотчинныя земли писать мѣрить и межевать»[1]).

Въ зависимости отъ измѣненій въ дѣйствовавшей въ древней Руси системы прямаго обложенія измѣнялось въ большей или меньшей степени самое содержаніе писцовыхъ книгъ, хотя порядокъ ихъ составленія, вылившись въ болѣе или менѣе опредѣленныя формы, гораздо болѣе по обычаю чѣмъ по закону, претерпѣвалъ, какъ это можно было ожидать и a priori, гораздо менѣе измѣненій. Отсюда слѣдуетъ, что изслѣдователю писцовыхъ книгъ, анализируя ихъ содержаніе и цыфровой матерьялъ въ нихъ заключающійся, необходимо, поставить его въ связь съ дѣйствующею въ эпоху составленія книги системою прямого обложенія. Но мало того. Съ давнихъ поръ система прямого обложенія въ древней Руси основывалась на подробномъ исчисленіи податныхъ объектовъ. Исчисленіе и измѣреніе этихъ объектовъ составляло главную задачу писцевъ, какъ агентовъ финансоваго вѣдомства, пользовавшихся при этомъ своеобразной терминологіей и техникой, вскрыть содержаніе и смыслъ которыхъ составляетъ нелегкую задачу изслѣдователя, желающаго воспользоваться матерьяломъ писцовыхъ книгъ не только для выясненія финансовой исторіи Московскаго государства, но и для изученія ея хозяйственнаго быта. Мы увидимъ—ниже, что подъ финансовою терминологіей писцовыхъ книгъ скрываются часто такія величины, пользованіе которыми требуетъ большой осторожности; поэтому изслѣдователю, изучающему писцевыя книги необходимо, чтобы не впасть въ грубыя ошибки, изъяснять истинный смыслъ употребляющихся въ каждой изъ нихъ терминовъ, даже на первый взглядъ такихъ простыхъ какъ «пашня паханая» или «пашни въ полѣ столько-то, а въ дву потомужъ», не говоря уже о такихъ менѣе понятныхъ для не посвященнаго терминахъ, какъ «соха», «обжа», «живущая четверть» и т. д.

---

1) П. С. З., II, №№ 866, 1074.

Критика матерьяловъ, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ съ указанныхъ только что точекъ зрѣнія должна быть дополнена еще критикою ихъ съ точки зрѣнія статистической и межевой. Къ счастію въ нашей литературѣ критика писцовыхъ книгъ съ послѣднихъ точекъ зрѣнія уже продѣлана въ совершенно достаточной мѣрѣ. Въ трудахъ А. С. Лаппо-Данилевскаго[1]), П. Н. Милюкова[2]) и отчасти моихъ интересующіеся найдутъ всѣ данныя, на которыхъ основывается такая критика. Въ послѣднее время Н. А. Рожковъ напечаталъ статью, озаглавленную «Къ вопросу о степени достовѣрности писцевыхъ книгъ» въ которой, горячо полемизируя съ А. С. Лаппо-Данилевскимъ и со мною, приходитъ къ очень оптимистическимъ выводамъ относительно достовѣрности и точности сообщаемыхъ въ этихъ книгахъ свѣдѣній. По мнѣнію Н. А. Рожкова[3]) «писцовыя книги необходимо подвергать критикѣ, но надо дѣлать это не такъ какъ дѣлаютъ гг. Лаппо-Данилевскій и Миклашевскій, не съ точки зрѣнія современной теоріи статистики»; «надо, продолжаетъ цитируемый авторъ, обращать вниманіе на конкретныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложились дошедшіе до насъ отдѣльные *списки* разныхъ писцовыхъ книгъ». Г. Рожковъ приводитъ далѣе и примѣры «здравой» критики этихъ памятниковъ. Г. Дмитріевъ, по словамъ г. Рожкова, доказалъ, что одна подлинная книга 1626 года сгорѣла и что сохранившіеся ея списки суть результатъ позднѣйшей конструктивной работы, исполненной въ половинѣ 17 вѣка». Не будемъ отрицать, что очень «здраво», при изученіи каждой книги или памятника другого рода точно знать—имѣемъ ли мы дѣло съ подлинникомъ или со спискомъ. Осторожный изслѣдователь, имѣя въ рукахъ списокъ съ книги или памятника конечно постарается удостовѣриться, по скольку это будетъ возможно, въ томъ—хорошо ли сдѣланъ этотъ списокъ съ подлинника. При изученіи сохранившихся писцовыхъ книгъ 17 вѣка произвести критику, рекомендуемую г, Рожковымъ не представляетъ особаго труда, такъ какъ при многихъ *спискахъ* съ писцевыхъ книгъ приложены особыя дополненія, въ которыхъ указаны всѣ исправленія, выскобленныя мѣста и другія неточности, произшедшія при списываніи ихъ. Я не думаю, однако, чтобы критика, рекомендуемая имъ для писцевыхъ книгъ имѣла исключительное право на названіе «здравой»: я назвалъ бы такую критику только археографической.

---

1) Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со времени смуты до эпохи преобразованій. Спб. 1890. стр. 179 и слѣд. Глава 2-я «народныя переписи».

2) Милюковъ, Op. cit., [стр. 103 и сл.]

3) Рожковъ, Op. cit., стр. 198—200.

При первоначальномъ заселеніи какой-либо мѣстности, населеніе, такъ или иначе сгруппированное, занимаетъ обыкновенно пространства неопредѣленныхъ размѣровъ, отдѣляющіяся другъ отъ друга какими либо естественными урочищами, какъ то рѣками, горами, лѣсами и т. д. Эти урочища служатъ первоначальными пограничными знаками владѣній цѣлыхъ племенъ и назывались въ древней Германіи *марками*, у насъ, въ древней Руси, *рубежами*. Древній земледѣлецъ, по справедливому замѣчанію К. П. Побѣдоносцева[1]), обозначалъ только починный пунктъ своего владѣнія, мѣсто, гдѣ у него былъ дворъ и постоянное пребываніе; пространство же его владѣній было неопредѣленно, шло «куда плугъ и соха и топоръ и коса ходили», пока не сталкивалось или съ какимъ либо живымъ урочищемъ, или съ другимъ столь же неопредѣленнымъ владѣніемъ. Лишь тѣ земли или угодья, въ которыя древній земледѣлецъ вкладывалъ свой трудъ, или которыя имѣли для него какое либо особое хозяйственное значеніе, обозначались какими либо искуственными знаками — «знаменами», т. е. или зарубками, произведенными топоромъ на деревьяхъ — «дубы знаменные» (Mahlbäume), или сложенными въ кучу камнями, (Mahlsteine) или просто бороздами, проведенными плугомъ или сохой (—межа ролейная). Эти знаки считались неприкосновенными и древнее право устанавливало очень строгія наказанія за ихъ нарушенія, а обычай вырабатывалъ своеобразные пріемы для запоминанія направленія установленныхъ межъ[2]).

Указанный способъ обозначенія владѣнія, достаточный на первыхъ порахъ для его охраны, не удовлетворяетъ, однако, хозяйственнымъ потребностямъ ежедневнаго обихода. Послѣдній требуетъ болѣе точнаго измѣренія пространства засѣяннаго хлѣбомъ, сѣнокоса, доставляющаго запасы сѣна. «А въ селѣ сѣяной ржи на два плуга, 16 кадей ростовскихъ» — читаемъ мы въ Русской Правдѣ[3]). Современный земледѣлецъ ни на одну минуту не затруднится въ пониманіи этой цитаты изъ древнѣйшаго русскаго памятника, такъ какъ и до настоящаго времени прибѣгаетъ къ такому же способу измѣренія земли, какъ и его отдаленный предокъ. Онъ скажетъ намъ, что въ селѣ, упоминаемомъ въ Русской Правдѣ, было столько земли, засѣянной рожью, сколько могутъ вспахать въ одинъ день два плуга, или такое пространство, на которомъ могутъ быть высѣяны двѣ ростовскія кади того же хлѣба. Названіе орудія, которымъ производится обработка

---

1) Побѣдоносцевъ, Op. cit., стр. 140. См. также нашу статью въ энциклопедическомъ словарѣ изд. Брокгаузомъ и Ефрономъ «Межеваніе».

2) Объ наказаніяхъ за нарушеніе межи по древне русскому и древне германскому праву, равно какъ объ обычаяхъ, выработавшихся въ Россіи и Германіи, для запоминанія направленія межъ см. указанную выше статью нашу «Межеваніе».

3) Русская Правда по Карамзинскому списку ст. 58.

земли — на Руси — соха и составная часть ея обжа а также — плугъ — и названіе объемной мѣры высѣваемаго хлѣба—у насъ наичаще—коробья и четверть сѣву—переносится съ теченіемъ времени на соотвѣтственную земельную площадь; послѣдняя измѣряется, значитъ, или количествомъ труда коннаго или волового работника, затраченнаго на ея обработку, или количествомъ высѣваемаго на ней хлѣба[1]). Съ совершенно аналогическими явленіями мы встрѣчаемся и въ западно-европейской исторіи. Древне-римскій югеръ, германскія моргенъ, англійская бовата, датскій bool, византійскіе модій и литра совершенно одинаковаго происхожденія съ древнерусскими площадями, измѣряемыми плугомъ, сохой, обжей, коробьею и четвертію.

Пространство, на которомъ высѣвается извѣстная объемная мѣра хлѣба, зависитъ при прочихъ равныхъ условіяхъ, (густота посѣва, свойства почвы, климата и т. д.) отъ величины самой объемной мѣры. Есть полное основаніе утверждать, что объемныя мѣры, употреблявшіяся въ древней Руси были очень разнообразны по своей величинѣ въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время. Русская Правда говоритъ о кадяхъ ростовскихъ—значитъ были и иныя; въ извѣстной грамотѣ на черный боръ говорится о коробьѣ старой[2]), значитъ въ первой половинѣ 15 вѣка, кромѣ «старой» коробьи была и новая. Въ 1550 году была послана грамота на Двину[3]) о новыхъ печатныхъ мѣрахъ и осминахъ, а въ 1560[4]) году, въ уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря крестьянамъ говорится объ уплатѣ ими оброка въ «новую мѣру городецкую». Въ другомъ мѣстѣ[5]) я имѣлъ случай прослѣдить за стремленіемъ московскаго правительства установить одинаковую объемную мѣру хлѣба на всемъ пространствѣ государства въ теченіи 16—17 и отчасти 18 столѣтій и показалъ, что объединеніе объемныхъ мѣръ, носящихъ одно и тоже названіе всетаки достигнуто не было. Тамъ-же[6]) я привелъ свѣдѣнія о размѣрахъ наиболѣе распространенной въ московской Руси объемной мѣры, т. н. «четверти» сравнительно съ московской «таможенной четвертію, въ 28 городахъ, расположенныхъ по преиму-

---

1) Названіе «обжа», означающее часть земледѣльческаго орудія сохи, къ которому прикрѣпляется рѣжущая его часть (рало, сошникъ) удержалось среди населенія Московской и Тверской губерній, гдѣ я слышалъ его самолично, до сихъ поръ. Обежъ въ сохѣ—двѣ. Сравни въ былинахъ «взялъ сошку за обежку». См. также цитируемую г. Владиславлевымъ въ статьѣ «Обжа. (Ж. М. Н. П. за 1892 г. № 8-й) брошюру г. Гурьева: О земскихъ вопросахъ. Иного мнѣнія держится относительно происхожденія слова «Обжа» проф. Сергѣевичъ.

2) А. А. Э., т. 1, № 32.

3) Доп. къ А. И., № 45.

4) А. А. Э., I., № 258.

5) Миклашевскій, Op. cit, стр. 32—33.

6) Миклашевскій, Op. cit., стр. 33.

ществу на южной окраинѣ государства, причемъ оказалось, что въ каждомъ изъ этихъ городовъ, очень недалеко отстоявшихъ другъ отъ друга, была своя мѣстная объемная мѣра и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она была въ 7 и 8 разъ больше московской таможенной четверти. Въ примѣчаніи [1]) къ настоящему изложенію читатель найдетъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія по занимающему насъ вопросу, извлеченныя изъ архивныхъ источниковъ и, надо думать, согласится съ выводомъ, который мы дѣлаемъ изъ этихъ данныхъ, а именно, что объемныя мѣры древней Руси были очень разнообразны по своей величинѣ и что площади на которыя высѣвались эти объемныя мѣры, такъ называемыя «четверти сѣву», находясь вполнѣ въ зависимостя отъ количества хлѣба, вмѣщающагося въ данной мѣрѣ — были различны въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время. Какъ мы увидимъ ниже выводъ имѣетъ для насъ немаловажное значеніе.

Древнѣйшими единицами обложенія на Руси, были, какъ извѣстно «дымъ» и «рало». Въ лѣтописи говорится, что Поляне давали Казарамъ «отъ дыма мечь», что Казары «имахуть на Полянехъ и на Северехъ и на Вятичехъ.. по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма, а въ году сами Вятичи объявили Святославу, что платятъ Козарамъ «по шелягу съ рала». Было высказано мнѣніе, что приведенныя слова лѣтописи свидѣтельствуютъ, что «въ первую пору существованія земледѣльческаго государства обложеніе податью большею частію (?) падаетъ не на землю, а на орудія ея обрабатывающія и на количество скота, участвующаго въ обработкѣ» [2]). Въ приведенныхъ мѣстахъ лѣтописи о скотѣ не говорится ни слова, а потому для доказательства существованія налога на скотъ приводится извѣстное мѣсто изъ грамоты на черный боръ—«а въ соху 2 коня, а третье припряжъ». Исторія прямого обложенія ни одного изъ европейскихъ народовъ не знаетъ «поорудійныхъ» налоговъ. Всегда недвижимое имущество независимо отъ его состава, служитъ первоначальнымъ объектомъ налога, что въ достаточной мѣрѣ объясняется легкостію, съ какою въ подобныхъ случаяхъ налогъ находитъ плательщика—владѣльца этого имущества. «Подымные» сборы являются поэтому и наиболѣе древними, и наиболѣе распространенными. Иногда они существуютъ совершенно самостоятельно, а иногда рядомъ съ другимъ рас-

---

1) [Въ числѣ тѣхъ примѣчаній которыми самъ И. Н. Миклашевскій успѣлъ снабдить свою статью, примѣчанія, упоминаемаго въ текстѣ не оказалось].

2) Владиславьевъ, «Обжа» Ж. М. Н. П. за 1892 г. № 8, стр. 223—229.

пространеннымъ со временъ глубокой древности налогомъ-поземельнымъ [1]). Древній «дымъ» заключалъ въ себѣ, надо думать, не только семью плательщика, но и все его хозяйство, домъ, промыселъ, пашню и проч. «Дымъ» трудно отличить по нашимъ памятникамъ отъ «рала», такъ какъ дань, по лѣтописи, взимается одинаково и съ дыма, и съ рала, и съ плуга. Всѣ эти термины обобщаются въ понятіи «хозяйство отдѣльнаго домохозяина» и потому я полагаю, что дымъ и рало означаютъ не участокъ земли, обрабатываемый силами одного домохозяина, какъ то думаетъ проф. Владимірскій-Будановъ [2]) а нѣчто большее — такое сочетаніе личныхъ силъ и матерьяльныхъ средствъ, въ составъ котораго земельный участокъ можетъ входить какъ часть. Какъ остатки глубокой старины поборы съ «дыма», какъ составной части землевладѣльческаго «дохода», удержались въ древней Руси, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, довольно долго [3]).

Какъ извѣстно татары, завоевавъ Россію, переписали Кіевъ около 1245 года [4]); въ 1255—6 гг. они произвели перепись Суздальской земли [5]) и въ 1257—1259.—Новгорода [6]), уже въ это отдаленное время далеко опередившемъ въ своемъ экономическомъ развитіи всѣ остальныя русскія земли. Лѣтопись сохранила намъ сколько нибудь обстоятельныя свѣдѣнія только о переписи Новгорода тогда какъ относительно переписи всѣхъ остальныхъ земель она ограничивается лишь словами, что «окааннїи изочтоша всю землю русскую, токмо не чтоша игумены». Вотъ какъ лѣтописецъ описываетъ татарскую перепись Новгорода 1259 года «Тои же зимы пріѣхаша окоанніи сыроядцы татарове.... и рекоша....: дайте намъ число или да ѣдемъ прочь; чернь же не хотѣша дати числа ... и сотвориша супоръ; большіи веляху меншимъ *ятися* по число, а они не хотѣху.... Во утріи же съѣха князь

---

1) См. St. Dowell, History of taxation and taxes in England from thearliest times to the present day. L. 1884. Vol. I. p. 12. Интересныя замѣчанія о «Rauchhuhn» и «Hausgulden» см. у v. Myrbach, Die Besteuerung der Gebaude und Wohnungen in Oesterreich und deren Reform. 1886.

2) Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 3-е, 1900 г., стр. 90.

3) См. напр. писцовую книгу Костромского уѣзда 1592—3 года земель Троице-Сергіева монастыря (Писцовыя книги, издав. Имп. Руск. геогр. Об. подъ редакціей Калачева, Отд. I. стр. 896, 910) крестьяне уплачивали «по деньгѣ съ дыма», причемъ въ обоихъ случаяхъ «дымы сосчитаны». Характерное мѣсто въ писцовой книгѣ Солигалича 1592—93 года. Ibid. 1 стр. 924. «Да на посадѣ у Николы на Наволокѣ дв. монастырскій, а на дворѣ 7 избъ, а живутъ въ нихъ мелкіе люди 7 человѣкъ, промышляютъ у варницъ, а оброку даютъ *съ дыму* въ монастырь по 4 ал.—столько же, сколько платилъ съ цѣлаго монастырскаго двора бобыль Федоръ Родіоновъ».

4) Полн. собр. лѣтописей VII, 153 (6754).

5) Полн. собр. лѣтописей III, 56—57; IV—38, 39; V. 188. 190; VII, 161—162.

6) [Новгород. лѣт. по синодальному сп., Спб. 1888 г., стр. 278—280; текстъ, приводимый авторомъ, см. въ Полн. собр. лѣтописей, VII, 162].

великій Александръ съ городища и окаанніи татарове съ нимъ и тако яшася съ Новгородци по число; творяху бо себѣ бояре легко, а меньшимъ бѣ зло. И поча[ша] окаянніи, ѣздяще по улицамъ, писати домы хрестьянскіа. Сіе бо наведе на ны Богъ грѣхъ ради нашихъ». Изъ приведеннаго текста лѣтописи видно во первыхъ, что татары предоставили самому населенію опредѣлить долю налога, падавшаго на каждаго плательщика и что изъ размѣра этой доли, приходящейся на «меньшаго» и на «большаго» т. е. болѣе или менѣо состоятельнаго, возникъ споръ, потребовавшій вмѣшательства князя и, когда споръ этотъ былъ разрѣшенъ татары стали ѣздить по улицамъ и считать домы христіанскія. Совершенно очевидно, что ѣздя по улицамъ татары ограничились счетомъ домовъ, хозяйствъ, а не людей. Татарское число, не измѣнило, значитъ характера старинныхъ русскихъ налоговъ въ Новгородѣ. Легко предположить, что въ данномъ случаѣ «домъ» то же, что старинный «дымъ». Изъ дальнѣйшаго изложенія мы увидимъ, что система обложенія въ Новгородѣ сохранила очень долго свои архаическія черты, развиваясь гораздо болѣе независимо отъ татарскаго вліянія, чѣмъ то было въ областяхъ скоро подчинившихся московскому княженію. Лишь послѣ окончательнаго присоединенія Новгорода къ Москвѣ, исподоволь и постепенно происходитъ распространеніе московской системы обложенія на области, находившіяся во власти Новгородской республики.

Русскіе князья очень скоро выговорили себѣ право собирать и доставлять въ Орду слѣдуемую съ нихъ дань, такъ называемый татарскій «выходъ». Уже въ 1275 году великій князь Василій Ярославовичъ «принесе (въ Орду) дань урочную со всеа земли, по полугривнѣ съ *сохи*, а въ сохѣ числиша два мужа работники». Первая попытка освободиться отъ непосредственнаго взиманія дани татарскими чиновниками (численниками) оказалась однако неудачной, потому что ханъ, найдя несоотвѣтствіе между размѣромъ «ясака» и числомъ людей на Руси приказалъ послать «новы численники во всю землю русскую съ великими грады (угрозы) да не утаятъ люди»[1]). Это мѣсто изъ памятника, сохраненнаго намъ Татищевымъ, весьма важно для разъясненія вопроса, что такое была татарская дань въ своемъ первоначальномъ видѣ. Упоминаемый въ немъ терминъ «соха» — несомнѣнно русскаго происхожденія. Онъ означаетъ земледѣльческое хозяйство того состава, о которомъ нами было упомянуто выше. Для цѣлей податныхъ русскій князь числилъ въ немъ «два мужа работники», чѣмъ и вызвалъ возраженіе хана. «ясакъ малъ есть, а люди многи въ землѣ твоей, почто не отъ всѣхъ даеши?». Изъ этихъ словъ хана можно заключить, что для него, какъ кочевника былъ понятенъ только поголовный

1) В. Татищевъ, Истор. Росск. кн. 4, стр. 41.

налогъ. Въ извѣстіи лѣтописи о татарской переписи Суздальской, Рязанской и Муромской земель 1257 года[1]), есть и косвенное подтвержденіе этого. Тамъ сказано, что татары, произведя перепись, поставили десятниковъ, сотскихъ и тысячниковъ и устроивъ это возвратились въ Орду. Самая краткость этого извѣстія даетъ поводъ думать, что названныя должности были замѣщены татарами, (говоримъ замѣщены, потому что съ аналогичными должностями мы встрѣчаемся еще до татарскаго завоеванія) своими людьми какъ разъ для взиманія поголовнаго налога со взрослаго населенія. Уступивъ вслѣдъ за тѣмъ право взиманія дани русскимъ князьямъ, татары предоставили имъ самимъ производить раскладку ея на подчиненное имъ населеніе. Можно думать, что какъ разъ въ это время было поколеблено значеніе старой русской сохи. Послѣ татарскаго завоеванія она является въ памятникахъ не въ видѣ отдѣльнаго хозяйства, обложеннаго извѣстнымъ окладомъ, а въ видѣ цѣлаго податного округа.

Взиманіе татарской дани сосредоточивалось мало по малу въ рукахъ великаго князя московскаго. Усиливая свою власть онъ выговариваетъ себѣ право единственнаго сношенія съ Ордою, если можно такъ выразиться и вступаетъ въ договоры съ младшими князьями о размѣрѣ дани, уплачиваемой каждымъ изъ нихъ по «давнимъ сверткамъ» или «старымъ дефтерямъ» — какимъ-то письменнымъ документамъ, о содержаніи которыхъ памятники намъ не говорятъ ни слова[2]). Послѣдніе обнаруживаютъ, однако, что татарская дань представляла изъ себя совершенно опредѣленную цыфру денегъ и что доля каждаго князя, которую онъ долженъ былъ вручить великому для передачи ея въ Орду, опредѣлялась междукняжескими договорами съ одной стороны и духовными грамотами съ другой[3]). Наша историтеская литература не оцѣнила въ достаточной степени необычайно важнаго, на мой взглядъ, факта взиманія дани въ видѣ денегъ и притомъ въ весьма значительныхъ по тому времени суммахъ. До сихъ поръ остаются неизвѣстными тѣ причины, ради которыхъ татары, еще такъ недавно требовавшіе отъ князей «десятины во всемъ: во князехъ, и въ людехъ и въ конехъ»[4]), т. е. довольствовавшіеся уплатой дани *натурою*, «предпочли такого рода десятинѣ деньги. Внутренняя исторія Орды еще не разработана на столько, чтобы можно было даже попытаться отвѣтить на этотъ вопросъ. Но нельзя не обратить вниманіе на важность этого вопроса для хозяйствен-

---

1) [Лѣт. по Лаврентьевскому сп., Спб., 1872 г., стр. 451].

2) Собр. Госуд. Гр. и Дог. т. I, №№ 27, 29, 33, 45, 49, 73, 64, а также №№ 52–61, 66, 69, 70, 75, 90–94, 114, 118, 127, 128.

3) Собр. Госуд. Гр. и Дог., №№ 34, 35, 40, 51, 52–3, 54–55, 60–64.

4) Полн. Собр. лѣтописей (1257) (Никон. ч. III, ст. 37).

ной исторіи нашей родины, такъ какъ фактъ уплаты князьями татарской дани деньгами не подлежитъ никакому сомнѣнію. Чтобы оцѣнить значеніе этого факта надобно замѣтить, что торговый путь «въ греки», служившій главною артеріей торговаго движенія въ домонгольскую эпоху былъ въ это время уже закрытъ, что на Руси не было своей собственной добычи благородныхъ металловъ и что единственный путь, черезъ который золото и серебро могло притекать въ Россію—это торговля Великаго Новгорода съ Ганзой. Ниже намъ придется еще разъ вернуться къ этому важному обстоятельству, а теперь, отмѣтивъ лишь его, будемъ продолжать наше изложеніе.

Согласно междукняжескимъ договорамъ[1]) Великій Князь не имѣлъ права посылать своего «даньщика» въ удѣлъ младшаго и только во вновь присоединенныя къ удѣлу мѣстности, или въ мѣстности, находившіяся въ какихъ либо особыхъ обстоятельствахъ или условіяхъ — оба князя—великій и младшій посылали каждый по даньщику. Въ послѣднемъ случаѣ взиманію дани всегда предшествовало описаніе мѣстности, такъ какъ въ зависимости отъ того, что въ удѣлѣ того или иного князя «убудетъ или прибудетъ», разсчитывался договорный окладъ дани. Въ духовныхъ граматахъ своихъ князья, распредѣляя владѣнія свои между наслѣдниками, распредѣляютъ также и окладъ дани, причитающійся на долю каждаго, причемъ предписываютъ иногда наслѣдникамъ своимъ произвести описаніе завѣщаемыхъ областей, чтобы наложить на нихъ дань «по людемъ», по «силѣ» или «по сохамъ и по людемъ». Вмѣстѣ съ даньщиками посылаются и писцы, становящіеся, по справедливому замѣчанію П. Н. Милюкова[2]), неразлучными товарищами первыхъ. Вотъ тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя сохранились о первыхъ переписяхъ, производившихся на Руси вскорѣ послѣ завоеванія ея татарами. Какъ ни скудны такія извѣстія, тѣмъ не менѣе они представляются намъ и достаточно интересными, и достаточно важными, ибо даютъ возможность съ большею или меньшею вѣроятностію поставить въ генетическую связь нѣкоторыя явленія древнѣйшаго и наиболѣе темнаго періода нашей исторіи съ аналогичными имъ явленіями, происходившими во время татарскаго владычества, и тѣми, наблюденіе надъ которыми, по нашимъ источникамъ, становится возможнымъ только со второй половины 14 вѣка.

Иванъ III, послѣ завоеванія Новгорода въ 1478 году[3]), спросилъ Новгородцевъ что обозначаетъ ихъ терминъ «соха»? и получилъ такой

---

1) См. договоры, цитированные на стр. 11 въ примѣч. 2-мъ и 3-мъ.
2) Милюковъ, Op. cit. стр. 19.
3) Полн. собр. лѣтописей VI, 216—217.

отвѣтъ: «три обжи соха, а обжа одинъ человѣкъ на лошади оретъ, а кто на трехъ лошадехъ самъ третей оретъ — ино то соха». Безъ всякаго сомнѣнія Ивану III было знакомо слово «соха». Мы только что видѣли, что терминъ этотъ былъ въ употребленіи въ областяхъ, подчинившихся московскому великому князю гораздо ранѣе, чѣмъ Новгородъ. И если вопросъ—что такое соха былъ предложенъ Новгородцамъ ихъ завоевателемъ, то только потому, что уже во время Ивана III между сохою новгородскою и сохою, получившею впослѣдствіи времени названіе московской, уже существовала большая разница. Въ Новгородѣ, менѣе подпавшемъ подъ вліяніе татаръ удержалась и получила дальнѣйшее развитіе, гораздо болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, старая система обложенія «съ рала и съ дыма». Въ московскихъ областяхъ въ это время отъ старой системы осталась только одна терминологія.

Сначала нѣсколько словъ о сохѣ новгородской.

Мы видѣли выше, что термины «обжа» и «соха» одинаковаго происхожденія. Соха—земледѣльческое орудіе, обжа—часть его. Подобно тому какъ подъ раломъ разумѣлось земледѣльческое хозяйство еще въ эпоху кіевскихъ князей, тоже разумѣлось въ особенности для цѣлей финансовыхъ, окладныхъ, подъ терминами соха и обжа и въ интересующее насъ время, т. е. въ 15 столѣтіи. Въ отвѣтѣ своемъ Ивану Новгородцы устанавливаютъ совершенно опредѣленное отношеніе между сохой и обжей. Послѣдняя въ три раза менѣе первой. Такое небольшое хозяйство, которое заключаетъ въ составѣ своемъ только одного коннаго работника было удобно взять за основную единицу обложенія, тѣмъ болѣе, что какъ мы увидимъ ниже, размѣръ громаднаго большинства новгородскихъ хозяйствъ былъ очень не великъ. Съ сохой, равной тремъ обжамъ, извѣстная грамота на черный боръ[1]) сравниваетъ всевозможныя виды не земледѣльческихъ хозяйствъ: «тшанъ кожевничій за соху, неводъ за соху, лавка за соху, кузнецъ за соху» и т. д. Это обстоятельство, думается мнѣ служить прекраснымъ доказательствомъ того, что указанные въ той же грамотѣ размѣры сохи—2 коня, а третье припрягъ — выражаетъ собою не болѣе какъ указаніе писцу на размѣръ того *типическаго* хозяйства, которымъ онъ долженъ былъ руководствоваться при обложеніи. Само собой разумѣется, что составители цитированной только что грамоты (она составлялась на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ) очень хорошо знали, что кромѣ указанныхъ ими типическихъ хозяйствъ могли быть и дѣйствительно были хозяйства, отступающія отъ указанныхъ нормъ, хозяйства то большихъ, то меньшихъ размѣровъ. За сколько обежъ считать каждое изъ нихъ — это было дѣло писца, который при исчисленіи

(1 А. А. Э., I, № 32.

этомъ могъ принимать во вниманіе разнообразныя обстоятельства, но руководствоваться все таки тѣми нормами, которыя были ему преподаны. Надобно отмѣтить еще одно обстоятельство, до сихъ поръ мало обращавшее на себя вниманіе изслѣдователей. Окладъ налога съ сохи былъ двѣ гривны новыхъ, согласно интересующей насъ грамотѣ; но кромѣ того за каждую описанную соху писецъ получилъ по *мортку*. Совершенно очевидно, что казна, (въ данномъ случаѣ — князь) и писецъ были заинтересованы въ томъ, чтобы число сохъ было по возможности велико, такъ какъ увеличеніе числа сохъ означало увеличеніе дохода того и другого. Интересы же населенія были прямо противоположны и потому интересующая насъ грамота и стремится примирить ихъ, установивъ тѣ идеальныя нормы, которыми долженъ былъ руководствоваться въ своемъ описаніи и обложеніи писецъ. Но послѣдній могъ въ извѣстныхъ предѣлахъ отступать отъ этихъ нормъ и дѣйствительно отступалъ, потому что того требовала сама жизнь. Старѣйшія новгородскія окладныя книги составлены какъ разъ по тому типу, который указанъ въ разобранной только что грамотѣ на черный боръ. Въ этихъ книгахъ приводится названіе деревни, обозначено количество дворовъ въ каждой изъ нихъ, равно какъ и число взрослаго мужского населенія, указано сколько ржи или ярового хлѣба высѣвается, сколько сѣна накашивается и во сколько обежъ или сохъ эти дворы положены. «Положить въ обжи» — терминъ техническій, употребляющійся въ самой книгѣ. Посмотримъ же теперь какъ «клали» въ обжи и въ сохи новгородскіе писцы. Въ деревнѣ Костроминѣ [1]) у Свята-озера было два двора, Петряйки Сенкина да Гридки Ондронова; сѣяли они ржи 8 коробей и косили 40 копенъ сѣна; они положены въ 2 обжи. Другая деревня, «Костромино жъ» было у того же озера. Въ ней былъ только одинъ дворъ Федьки да Марки Васьковыхъ; сѣяли они ржи 9 коробей, сѣна косили 40 копенъ и положены были въ три обжи. У того же озера была дер. Толстая въ которой было 2 двора, Павелки Петрушина да Михейки Стригина; они сѣяли только 5 коробей, сѣна косили 7 копенъ и положены были въ одну обжу. Рядомъ съ этими деревнями писцами отмѣчена деревня Кукмена Лахта, въ которой былъ дворъ Трофимки Якимова. Онъ сѣялъ ржи 5 коробей и косилъ 10 копенъ сѣна и положенъ былъ такъ же, какъ и его сосѣди, въ одну обжу. Примѣровъ колебаній числа дворовъ, количества взрослыхъ работниковъ (людей), количества высѣваемаго въ каждой деревнѣ хлѣба и накашиваемаго въ ней сѣна и составлявшихъ въ тоже время одну обжу — можно привести множество. Приведенные факты давно извѣстны изслѣдователямъ нашей

1) Временникъ М. О. И. и Д. Р., XII, стр. 33.

старины и если мы привели ихъ здѣсь такъ только потому, что несогласны съ выводами, которые изъ нихъ дѣлаются.

Такъ г. Владиславлевъ[1]) думаетъ, что «обжа — податная пашня условныхъ (?) размѣровъ». На слѣдующей страницѣ своей интересной статьи этотъ многообѣщавшій, но быстро окончившій свою ученую карьеру, авторъ говоритъ, что «обжа и дворъ одно и тоже», чѣмъ уничтожаетъ только что сдѣланное имъ самимъ замѣчаніе, что «писцамъ поручалось на мѣстѣ, на глазъ сообразить всѣ условія налогоспособности отдѣльныхъ хозяйствъ». Таблички, приводимыя г. Владиславлевымъ, въ которыхъ онъ сопоставляетъ число дворовъ, число людей и число обежъ въ 4 погостахъ Водьской пятины, какъ доказательство, что «совпаденіе обжи съ дворомъ почти полное», доказываютъ на мой взглядъ, какъ разъ противное. Совпаденія даже *почти* полнаго тутъ нѣтъ, хотя нѣтъ и очень большой разницы между числомъ дворовъ и числомъ обежъ; послѣднее обстоятельство совершенно удовлетворительно объясняется тѣмъ, что новгородскія хозяйства того времени были очень не велики, такъ что въ *среднемъ* на каждый дворъ приходилось менѣе цѣлой обжи. Впрочемъ и самъ авторъ» сравнивая цыфры обѣихъ описей (стараго и новаго письма, находящихся въ одной и той же книгѣ) видитъ, «что въ новой (описи) сравнительно со старой больше людей и дворовъ и меньше обежъ» и объясняетъ «тяжелое для стараго письма обложеніе» недавнимъ присоединеніемъ Новгорода къ московскимъ землямъ. Очень трудно судить по сохранившимся скуднымъ извѣстіямъ памятниковъ о полномъ составѣ новгородскаго двора интересующей насъ эпохи. Очень часто онъ составлялся изъ отца съ дѣтьми или другими родственниками, и тогда это указывается довольно часто въ источникахъ; но встрѣчается не мало указаній и на то, что въ одномъ и томъ же дворѣ жили люди, не находившіеся, повидимому, ни въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ. «Деревня на Сакулѣ у озера Сванскаго» читаемъ мы въ переписной окладной книгѣ Вотьской пятины 1500 года[2]) дворъ Ортемка Васьковъ да Власко Самойловъ; дворъ Федка Михѣевъ да Захарко Павловъ — сѣютъ ржи и т. д. Въ другой деревнѣ въ одномъ дворѣ жили Фомка Кондратьевъ да Селюга Пикуевъ и т. д. и т. д. Каждый изъ этихъ лицъ, живя въ одномъ дворѣ съ другимъ могъ, конечно, вести совершенно самостоятельное хозяйство, какъ два *складника* могли каждый обладать по отдѣльному двору, какъ то было напр. въ деревнѣ на Рагмѣ въ той же пятинѣ; въ ней былъ дворъ Васьки Михалева и дворъ складника его Офонаски. Въ данномъ дворѣ могло быть столько земли, что по

1) Владиславлевъ, Op. cit., стр. 231.
2) Временникъ М. О. И. и Д. Р., XII, 53, 58.

количеству ея онъ могъ быть оцѣненъ писцемъ въ полъ обжи, но рядомъ съ этимъ дворъ этотъ могъ обладать какими либо преимуществами и потому оцѣнивался писцемъ въ обжу. Какъ разъ такой случай зарегистрированъ въ переписной книгѣ деревской пятины[1]) Въ деревнѣ Самутинѣ дворъ пустъ, писанъ былъ обжею, а земли подъ нимъ на полъ-обжи и т. д.

По мнѣнію П. Н. Милюкова[2]) соха и часть ея обжа суть такія окладныя единицы, которыя, въ интересующее время и до реформъ, произшедшихъ во второй половинѣ 16 вѣка, измѣрялись количествомъ труда одного (обжа) или нѣсколькихъ (3-хъ) конныхъ работниковъ (соха). «Выражаемая въ единицахъ рабочей силы эта соха, по мнѣнію П. Н. Милюкова, можетъ быть переводима и на единицы засѣянной площади пашни, съ тѣми колебаніями, которыя соотвѣтствуютъ колебаніямъ рабочей силы». Что хочетъ сказать этими словами почтенный авторъ? Если обжа — площадь пашни, которую въ извѣстную единицу времени можетъ вспахать одноконный рабочій, то о колебаніяхъ этой площади, при прочихъ равныхъ условіяхъ, въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ не можетъ быть и рѣчи. При данныхъ условіяхъ на площадь эту будетъ высѣваться совершенно опредѣленное или очень мало колеблющееся число сѣмянъ хлѣба. Если колеблется количество рабочей силы въ обжѣ, такъ это значитъ, что въ составъ ея входитъ то одинъ, то болѣе конныхъ работниковъ, а слѣдовательно, та опредѣлительность и точный размѣръ обжи, выраженный болѣе чѣмъ кратко въ памятникахъ—обжа одинъ человѣкъ на лошади оретъ—падаетъ; между тѣмъ на этой опредѣлительности и настаиваетъ П. Н. Милюковъ; онъ строитъ на ней, какъ мы увидимъ ниже, и то мѣрило, коимъ, по его мнѣнію, измѣряется старая московская соха. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что П. Н. Милюковъ совершенно напрасно утверждаетъ, будто «обжа, окладная единица, продолжая означать единицу рабочей силы, приравнивается (въ старыхъ новгородскихъ окладныхъ книгахъ) постоянно колеблющемуся количеству этихъ единицъ посѣва». Въ этихъ книгахъ обжа приравнивается не только постоянно колеблящемуся количеству единицъ посѣва, но и колеблещемуся количеству людей (рабочей силы) дворовъ и сѣна.

Въ окладной переписной книгѣ Вотской пятины есть часть[3]), представляющая на мой взглядъ большой интересъ потому, что позволяетъ толковать извѣстную грамоту на черный боръ какъ первый и самый древній изъ извѣстныхъ *писцовыхъ наказовъ*. Въ названной пятинѣ было нѣсколько

1) Новгородск. писц. книги, т. I, стр. 290.
2) Милюковъ, Спорн. Вопросы, стр. 35—36.
3) Врем. М. О. И. и Д., XII, стр. 120 и слѣд.

волостей, описаніе которыхъ рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ. Вотъ одно изъ этихъ описаній. «Деревня Кибріярва: дв. Левонко Лукьяновъ; дв. Дорофейко Лукьяновъ; дв. Куземко Микитинъ; дв. Ивашко Лукьяновъ, Васька Лукьяновъ; пять *луковъ*. А стараго дохода шло куница да двѣ бѣлки, а борцу бѣлка». Общій итогъ нѣсколькихъ деревень изображается писцомъ такъ:» и по старому письму 4 деревни, а дворовъ въ нихъ 30, а людей въ нихъ 49 человѣкъ, а луковъ 49, а сохъ 16 съ третью, и въ сохѣ по три лука, *а лукъ писанъ за обжу;* а стараго дохода 11 куницъ, 54 бѣлки и зъ борцевыми да соколъ; и за тотъ доходъ давали великаго князя оброку полтретья рубля и 2 гривны безъ деньги». Число *луковъ* совпадаетъ какъ въ приведенномъ только что описанія, такъ и безусловно во всѣхъ другихъ, въ которыхъ этотъ терминъ встрѣчается въ интересующей насъ книгѣ, съ *числомъ людей* и вездѣ говорится, что «лукъ писанъ за обжу». Мы нарочно выписали эту длинную цитату изъ памятника, потому что разсмотрѣніе тѣхъ продуктовъ, которые уплачиваетъ въ видѣ «дохода» въ подобныхъ случаяхъ населеніе, приводитъ къ непремѣнному заключенію, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ земледѣльческимъ населеніемъ, всегда уплачивающемъ «доходъ» продуктами земледѣльческаго хозяйства и всегда «положенномъ въ обжи», а съ *охотничьимъ*. *Лукъ* есть орудіе охоты, самострѣлъ. Само собою разумѣется, что писецъ окладывалъ не орудіе, а охотника; таковымъ въ интересующей насъ книгѣ считается взрослый рабочій, совершенно независимо отъ того владѣетъ ли онъ дворомъ или нѣтъ. Доходъ такого охотника просто приравнивается доходу съ земледѣльческаго хозяйства, съ обжи, совершенно такимъ же образомъ какъ въ грамотѣ на черный боръ сохѣ приравнивается тшанъ кожевничій, прѣнь и т. д., а въ Важской грамотѣ обжѣ — посадскій дворъ. Не противорѣчатъ этому объясненію и тѣ случаи, не особенно многочисленные, кстати сказать, когда въ числѣ дохода, при измѣреніи хозяйствъ луками, фигурируетъ и хлѣбъ. Эти случаи легко объясняются тѣмъ, что въ данной мѣстности появилось и земледѣлье, но охота составляетъ еще главное занятіе ея жителей[1]).

Итакъ терминъ «обжа», означавшій первоначально нѣкоторую земельную площадь, измѣняемую количествомъ труда затрачиваемаго однимъ конпымъ рабочимъ, переносится на хозяйство небольшихъ размѣровъ, принимаемое для податныхъ цѣлей за основную счетную единицу. Величина обжи, выраженная въ наиболѣе древнихъ окладныхъ книгахъ Новгорода въ дво-

1) Срав. также важную уставную грамоту, въ которой «обжа» сравнивается съ посадскимъ дворомъ: «а дворъ посадскій противу обжи, а обжа противу посадскаго двора разметомъ въ намѣстничъ оброкъ равны». Окладъ налога крестьяне должны «розводить... по пашнямъ и по животомъ и по сохамъ» А. А. Э. I, № 234.

рахъ, людяхъ (взрослыхъ работникахъ), количествѣ посѣва и количествѣ накашиваемаго сѣна постоянно колеблется въ извѣстныхъ, довольно узкихъ предѣлахъ, ибо опредѣляется писцомъ на мѣстѣ. Колебаніямъ въ размѣрѣ обежъ слѣдуетъ колебаніе размѣра *сохъ*, въ новгородскихъ переписныхъ книгахъ—окладныхъ единицъ въ три раза большихъ чѣмъ обжа.

Не лишено интереса еще одно обстоятельство, на которое мы бы хотѣли обратить теперь же вниманіе читателя.

Изъ предшествовавшаго изложенія видно, что обжа и соха были очень небольшими окладными единицами, но за то такихъ окладныхъ единицъ было очень много. Согласно грамотѣ на черный боръ населеніе должно было оплачивать по двѣ гривны новыхъ въ пользу князя и по морткѣ въ пользу писца съ каждой сохи. Но «кормъ»; налогъ натурой, уплачивался, согласно той же грамотѣ, не съ каждой сохи, а 10 сохъ соединялись вмѣстѣ для уплаты этого налога. Такое постановленіе совершенно разумно и понятно: было бы слишкомъ затруднительно опредѣлить долю «корма», состоящаго изъ хлѣбцевъ, мяса, сыра, сѣна, подводы отъ стана до стана и т. д., падавшую на каждую соху, тогда какъ это было очень легко сдѣлать, соединивъ 10 сохъ вмѣстѣ. Въ этомъ соединеніи мелкихъ сохъ въ одну болѣе крупную платежную единицу, можно, думается мнѣ, видѣть прообразъ такъ называемой большой новгородской сохи. Эта послѣдняя состояла всегда изъ 10 *сошекъ*, а каждая сошка состояла изъ трехъ обежъ [1]).

Гораздо труднѣе разобраться въ вопросѣ, что такое старая московская соха.

Бѣляевъ, въ извѣстной работѣ своей «О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ» [2]) говоритъ, что «сохою называлась па административномъ языкѣ Московскаго государства самая большая условная единица земли, признаваемая главною мѣрою при раскладкѣ податей и повинностей и что учрежденіе этой мѣры относится къ первымъ вѣкамъ Московскаго великаго княженія». «Чисто ли это было московское учрежденіе, мы не знаемъ навѣрное» говоритъ далѣе Бѣляевъ; «впрочемъ почти безошибочно можно предполагать, что если были гдѣ введены сохи внѣ московскихъ владѣній, то сохи сіи отнюдь не походили на московскія, ибо въ никоновской лѣтописи ясно говорится, что Іоаннъ 3-й, по завоеваніи Твери велѣлъ измѣрить тамошнія земли по московски въ сохи; слѣдовательно, московская соха имѣла свою мѣру, неодинаковую съ мѣрами другихъ княженій, хотя бы и онѣ назывались сохами». Бѣляевъ, какъ то видно изъ приведенной цитаты, не останавливался на вопросѣ о происхожденіи москов-

1) Арх. М. Ю. Писцовыя книги по Новгороду (вотчин. контора) № 756, 306, 968.
2) Бѣляевъ, Op. cit. Врем. XII, стр. 51.

ской сохи. Рядомъ выписокъ изъ памятниковъ знаменитый московскій профессоръ доказывалъ, что старая московская соха не имѣла опредѣленной величины и какъ число, финансовая мѣра означала только общую платежную единицу для сбора податей и раскладки повинностей, «а посему не могла быть постоянною одинаковою геометрическою мѣрою земли, но мѣнялась по соображенію правительства со временемъ, или государственными нуждами, съ мѣстностію, т. е. съ отношеніемъ земли къ народнымъ промысламъ, съ качествомъ земли и, наконецъ, съ отношеніями поземельнаго владѣнія къ государству». П. Н. Милюковымъ было замѣчено, что Бѣляевъ [1]). «задавшись опредѣленіемъ размѣра сохи въ количествѣ четвертей (подъ которыми, замѣтимъ отъ себя, онъ разумѣлъ вполнѣ опредѣленныя геометрическія площади—2 четверти равны десятинѣ) пашни... этимъ самымъ переносилъ на древнюю соху черты позднѣйшей и предрѣшалъ главный вопросъ, подлежавшій разрѣшенію—имѣла ли вообще соха въ древнѣйшее время значеніе извѣстной земельной площади». Для выясненія вопроса, что такое была древняя московская соха, П. Н. Милюковъ привлекъ къ изученію т. н. «сотныя»—выписи изъ несохранившихся писцовыхъ книгъ. Изученіе этихъ выписей дало ему возможность установить 2 типа ихъ. «Первый типъ, болѣе древній, говоритъ П. Н. Милюковъ [2]), обыкновенно сообщаетъ свѣдѣнія о количествѣ дворовъ, ихъ рабочемъ населеніи и о количествѣ сошнаго письма, но никогда не даетъ указаній на то, какое количество пашни переводится на соотвѣтствующее количество сошнаго письма». «Что касается свѣдѣній о количествѣ четвертей, говоритъ авторъ на слѣдующей страницѣ, онѣ, вѣроятно находились въ самыхъ писцовыхъ разсматриваемаго типа; но въ выпискахъ встрѣчаются весьма рѣдко». Сопоставляя далѣе количество четвертей по письму одного писца съ количествомъ сохъ по письму другого, какъ то сдѣлано въ одномъ документѣ 1533 года, а также по писцевой книгѣ 1540 г. Тверскаго уѣзда и приправочной 1555-го того же уѣзда, П. Н. Милюковъ устанавливаетъ фактъ, что между количествомъ сошнаго письма, количествомъ людей (взрослыхъ работниковъ) и четвертей пашни нѣтъ никакого соотвѣтствія: на соху приходится то 33, то 12, то 120 и т. д. дворовъ, то 11, то 25, то 3, то 139 человѣкъ; то 984, то 1080, то 720 и т. д. четвертей. Изъ этихъ данныхъ, нельзя, однако, думается мнѣ, сдѣлать тотъ выводъ, который дѣлаетъ изъ нихъ почтенный авторъ, а именно что *«соха не измѣрялась ни количествомъ дворовъ, ни количествомъ людей, ни количествомъ четвертей* [3]). Желаніе автора связать

1) Милюковъ, Op. cit., стр. 37.
2) Милюковъ, Op. cit., стр 41.
3) Милюковъ, Op. cit., стр. 43.

соху московскую съ новгородскою, подъ которою онъ разумѣетъ не типическое хозяйство, взятое за общую мѣру для исчисленія оклада налога и заключающее въ своемъ составѣ трехъ конныхъ работниковъ, а трехъ конныхъ работниковъ какъ таковыхъ, побуждаетъ его построить измѣреніе московской сохи стараго типа на одномъ и притомъ единственномъ въ своемъ родѣ и, прибавимъ неясномъ, текстѣ сотной выписи, въ которой, какъ то видно изъ словъ самаго автора, рядомъ съ сохами, въ составъ которыхъ по вычисленію П. Н. Милюкова, входило $40^1/_2$, $31^1/_2$, 27, $16^1/_2$, 108 и т. д. дворовъ, обозначена «деревня Кучина, со княземъ Александромъ въ спорѣ, положена однокольцемъ полполчети сохи». Изъ этого текста почтенный авторъ дѣлаетъ выводъ что «одноколецъ-владѣлецъ одной колышки или телѣги (разумѣй—одной лошади?) является той недѣлимой единицей *рабочей силы*, на которой строится соха». «Одному конному рабочему, говоритъ далѣе П. Н. Милюковъ равняется какъ мы знаемъ, и новгородская обжа; далѣе по граматѣ 1437 года (на черный боръ) можно установить такую градацію рабочихъ и окладныхъ единицъ. $^1/_2$ плуга = сохѣ = двумъ конямъ съ припряжкою = двумъ половникамъ = четыремъ пѣшимъ работникамъ; или 1 конный работникъ = 2 пѣшимъ = $^1/_2$ сохи = $^1/_4$ плуга. Соха нашего документа, состоящая изъ 32 конныхъ рабочихъ въ 8 разъ больше древняго плуга и въ 16 разъ болѣе древней сохи, если считать въ послѣдней 2 конныхъ работника; если же по новгородскому счету принимать въ древней сохѣ *три* конныхъ работника, то такихъ сохъ будетъ въ нашей сохѣ 10 $^2/_3$. И дѣйствительно, уже въ 1555 г. встрѣчаемъ распоряженіе, которымъ московская соха приравнивается 10 новгородскимъ»[1]). Мы позволили себѣ привести здѣсь эту длинную цитату изъ труда учепаго, очень много потрудившагося надъ выясненіемъ многихъ труднѣйшихъ вопросовъ русской исторіи, потому, что, какъ мы увидимъ ниже, это мнѣніе его, основанное на нашъ взглядъ гораздо болѣе на ариѳметическихъ вычисленіяхъ чѣмъ на точномъ анализѣ фактовъ, уже нашло себѣ весьма энергическихъ послѣдователей и пропагандистовъ. Уже М. А. Дьяконовъ указалъ на противорѣчіе, въ которое впалъ при своемъ предположеніи интересующій насъ авторъ. «Если соха, говоритъ проф. Дьяконовъ[2]) измѣряетси рабочею силою, то размѣры ея должны стоять въ прямой зависимости отъ численности рабочаго населенія и даже отъ числа дворовъ, такъ какъ количество мужского рабочаго населенія по сотнымъ 16 вѣка очень мало отличается отъ числа дворовъ, лишь незначительно превосходя ихъ по

1) Милюковъ, Op. cit., стр. 44.

2) Дьяконовъ, Рецензія на соч. Милюкова «Спорные вопросы»... въ Журналѣ М. Н. Пр. 1893 г., № 7, стр. 206—207.

итогамъ, да и то далеко не во всѣхъ случаяхъ. Дальнѣйшее изложеніе проф. Дьяконова представляется недостаточно яснымъ и мы не знаемъ, что именно хочетъ онъ сказать, утверждая, что «пока соха, до конца 15 вѣка измѣрялась количествомъ труда, потребнаго для обработки земли, то раскладка податей стояла въ зависимости отъ наличности *силъ* (?) даннаго тяглаго округа. Подати и повинности уплачивались по размѣрамъ силъ».[54]) Мы не знаемъ что разумѣетъ профессоръ Дьяконовъ подъ «силами», а это слѣдовало бы точно опредѣлить. Далѣе М. А. Дьяконовъ дѣлаетъ важное и совершенно справедливое замѣчаніе, что выраженіе жалованныхъ грамотъ на податныя привилегіи, выданныхъ въ началѣ 15 вѣка,—«а отсидятъ они урочные годы и они потянутъ въ нашу дань по силѣ» — вытѣсняется другимъ, а именно «и они потянутъ въ нашу дань по книгамъ», или «потянутъ съ тяглыми людьми повытно» и полагаетъ, «что въ связи съ измѣненіями въ терминологіи стоитъ и перемѣна и по существу дѣла, «хотя и не знаетъ въ чемъ она заключается». На страницѣ 210 журнала, въ примѣчаніи, проф. Дьяконовъ приводитъ грамоту князя Юрія Ивановича Колязинскому монастырю, въ которой говорится, что «въ Кашинскомъ уѣздѣ, въ Нерехотскомъ стану, село Ушаково съ деревнями и въ томъ селѣ и въ деревняхъ опустѣло 36 вытей, а пашни въ нихъ сошной соха и полчетверты, да въ Жбанѣ село Пирогово, опустѣло у нихъ въ томъ селѣ 21 выть, да въ селѣ Константиновскомъ, да въ селѣ Спасскомъ съ деревнями жъ, опустѣло у нихъ 31 выть, а пашни у нихъ сошной полторы сохи и полполполтрети»... и спрашиваетъ «не равняется ли одноколецъ выти, такъ какъ соха, какъ то по его мнѣнію явствуетъ изъ приведенной граматы, составляла около 32 вытей». Замѣтимъ прежде всего, что деревня Кучино «была положена однокольцемъ полполполчети сохи», и что на соху въ селѣ Ушаковѣ съ деревнями приходится 32 выти, а въ селѣ Константиновскомъ да въ селѣ Спасскомъ съ деревнями — на одну соху приходится $20^{16}/_{37}$ выти; если же считать, что сошная пашня показана въ приведенной грамотѣ не только для послѣднихъ двухъ селъ, но и для села Пирогова, то на соху придется $33^{27}/_{37}$ выти. На основаніи такихъ фактовъ дѣлать выводъ, что одноколецъ равняется выти, врядъ ли возможно, ибо совпаденіе цыфръ, даже если бы оно было и полнымъ, еще ровно ничего не доказываетъ; кромѣ того можно привести не мало фактовъ, что число вытей въ сохѣ, равно какъ и число четвертей въ выти, было очень разнообразно даже въ концѣ 16 вѣка. Такъ въ Старицкомъ уѣздѣ, по писцовымъ книгамъ

54) Дьяконовъ, Op. cit., стр. 207.

1594 года [1]), на земляхъ Троице-Сергіева монастыря приходилось живущихъ вытей на соху живущей пашни:

Въ Иворовской волости

въ с. Станишинѣ съ деревнями средней земли	$46^{2}/_{23}$ вытей.
» с. Васильевскомъ съ деревнями сродней земли	82 »
» въ полу-селѣ Михайловскомъ съ дер. средней земли.	$68^{4}/_{23}$ »

Въ Родинской волости

» с. Чернятинѣ съ деревнями средней земли.	$40^{7}/_{8}$ вытей.

Во владѣніяхъ того же монастыря, доставшихся ему изъ подклѣтныхъ селъ по духовной грамотѣ по князѣ Юріѣ Ивановичѣ [2]), приходилось въ разсчетѣ на живущую выть четвертей живущей же пашни:

въ с. Ондреевскомъ	8	чет.	доброй земли
» дер. Костелевѣ	15	»	» »
» » Кошуевѣ.	18	»	средней »
» » Котиполовѣ.	около 13	»	» »
» » Ушаковѣ.	24	»	» »
» » Плуговѣ	20	»	» »

Эти данныя, число которыхъ можно было бы увеличить, не позволяютъ намъ признать справедливымъ мнѣніе П. Н. Милюкова [3]), что «5 десятинъ и 6-я на владѣльца представляютъ обычный размѣръ частно-владѣльческой выти какъ на монастырскихъ, такъ и на дворцовыхъ земляхъ». Какъ установленіе частно-владѣльческаго хозяйства «выть» была разной величины въ разныхъ хозяйствахъ.

Можно было бы предположить, что въ хозяйствѣ дворцовомъ величина выти наиболѣе однообразна, что и подтверждается табличкой, приводимой П. Н. Милюковымъ. Добавимъ къ сказанному, что если проф. Дьяконовъ признаетъ, какъ то можно заключить изъ его словъ, что «одноколецъ» и выть одно и тоже, то всѣ возраженія, сдѣланныя имъ П. Н. Милюкову тѣмъ самымъ относятся и къ нему самому.

И такъ наше изложеніе показало, что установить ту основную окладную единицу, на которой «строилась» московская соха не удалось ни П. Н. Милюкову, ни М. А. Дьяконову. Въ московской сохѣ первой половины 15 вѣка, и надо думать, ранѣе, было неодинаковое число дворовъ, неодина-

---

1) Писцевыя книги изд. Геогр. Общ. ч. II, стр. 404—410.
2) Писцевыя книги изд. Геогр. Общ ч. I, стр. 684 и 686.
3) Милюковъ, Op. cit. стр. 32—33.

ковое число людей, неодинаковое число четвертей и неодинаковое число вытей. «Неодинаковость мѣры сохъ» того времени, установленная еще Бѣляевымъ, остается значитъ непоколебленною. Справедливо было замѣчено[1]), что когда при разысканіи основной единицы обложенія, изслѣдователи ссылаются на элементы «которые не попали подъ прямыя указанія описанія, поневолѣ возникаетъ вопросъ, какое значеніе имѣли всѣ писцовыя описанія земли, дворовъ, людей, угодій, если для обложенія они совершенно пропадали даромъ; почему писецъ вносилъ то, чего не требовало государственное хозяйство и совершенно игнорировалъ то, что для этого хозяйства имѣло наиболѣе существенное значеніе». Это замѣчаніе относится ко всѣмъ тѣмъ, кто пытается подойти къ вопросу о происхожденіи и измѣреніи старой московской сохи не изъ тѣхъ данныхъ, которыя даетъ для этого громадное большинство памятниковъ, а изъ идеи трудового начала, выражаемаго въ числѣ конныхъ рабочихъ, положеннаго въ основу опредѣленія *хозяйства*, сдѣланнаго новгородцами въ грамотѣ на черный боръ, и въ тѣхъ скудныхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о сохѣ и обжѣ, которыя были приведены выше. Если бы исключительно принципомъ трудового начала, количествомъ силы коннаго рабочаго руководствовались писцы въ своей задачѣ измѣрить податную обязанность населенія, то они описывали бы не дворы, не землю, не людей, не сѣно и лѣсъ и другія угодія, а указывали бы количество инвентаря живого и мертваго, число конныхъ и пѣшихъ рабочихъ. А этихъ свѣдѣній въ писцовыхъ книгахъ, какъ извѣстно, *никогда* не приводится.

Въ поискахъ за «основною» единицею, аналогичной новгородской «обжѣ», на которой «строилась» старая московская соха, изслѣдователи не обратили достаточнаго вниманія на фактъ, указанный въ ученой литературѣ новѣйшаго времени А. С. Лаппо-Данилевскимъ, но недостаточно имъ обоснованный. Вотъ что, между прочимъ, читаемъ мы у этого изслѣдователя[2]). «Единицей податного обложенія.... уже въ очень древнее время была соха. Но въ 16—17 вв. значеніе ея нѣсколько измѣнилось. Въ 15 вѣкѣ, когда землемѣріе было въ зачаточномъ состояніи, размѣры ея опредѣлялись количествомъ труда, нужнаго для обработки извѣстнаго участка земли въ опредѣленный промежутокъ времени при помощи обычныхъ хозяйственныхъ средствъ, и поэтому, конечно были въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время различны; затѣмъ тѣ же размѣры стали выражаться количествомъ посѣва, на что указываетъ наименованіе поземельныхъ мѣръ, изъ которыхъ состояла соха, четвертями. Такое реальное значеніе четверть сохранила еще въ 16 и

1) П. И. Ивановъ, Сѣверныя писцовыя книги, какъ матеріалъ для исторіи обложенія. Оттискъ изъ 2-го тома Трудовъ Археограф. Ком. Импер. М. А. О. стр. 19.

2) Лаппо-Данилевскій, Op. cit. стр. 221.

даже отчасти въ 17 вѣкѣ». Внимательный читатель замѣтитъ, конечно, въ чемъ авторъ настоящаго изслѣдованія расходится по этому вопросу съ А. С. Лаппо-Данилевскимъ. Установить ту послѣдовательность въ способахъ измѣренія земли, которая повидимому вытекаетъ изъ приведенныхъ словъ г. Лаппо-Данилевскаго врядъ ли возможно. Измѣреніе количествомъ труда и количествомъ высѣяннаго хлѣба встрѣчаются одновременно и рядомъ другъ съ другомъ не только въ древности но и въ настоящее время. Но главный вопросъ, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что, такъ какъ самыя объемныя мѣры—четверти, которыми измѣрялся хлѣбъ въ древности были не равны въ разныхъ мѣстностяхъ и измѣнялись въ своемъ размѣрѣ въ теченіи времени, то и площади, на которыхъ высѣвались эти мѣры, такъ называемыя «четверти сѣву» были не равны и измѣнялись съ теченіемъ времени точно такъ, какъ и ихъ реальная объемная мѣра. Вотъ почему я не могъ согласиться[1]) съ П. Н. Милюковымъ, утверждавшимъ правильность того мнѣнія, въ силу котораго «древняя четверть есть четверть сѣву, что не мѣшаетъ ей, однако, подобно новгородской коробьѣ и византійской литрѣ, въ тоже время соотвѣтсвовать извѣстной, *точно* опредѣленной площади»[2]). П. Н. Милюковъ думаетъ, «что нельзя искать никакой спеціальной связи между введеніемъ десятиннаго измѣренія и превращеніемъ сохи въ опредѣленную геометрическую площадь»; я позволяю себѣ думать: во первыхъ, что *точной*, опредѣленной площади четверть сѣву соотвѣтствовать не могла, ибо представляла изъ себя величину крайне разнообразную; — а во вторыхъ, что не только нельзя отрицать существованія связи между введеніемъ десятиннаго измѣренія и превращеніемъ сохи въ опредѣленную геометрическую площадь, но что такую связь можно даже установить.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на основаніи изученія такъ называемыхъ отказныхъ книгъ и писцовыхъ наказовъ, авторъ настоящаго изслѣдованія отмѣтилъ то обстоятельство, что писцы 17 вѣка *всегда* измѣряли землю въ десятины и затѣмъ «клали» ее въ четверти, считая въ десятинѣ 2 четверти. Какой смыслъ имѣла эта сложная ариѳметика? спрашивалъ я тогда. Ради чего нужно было продѣлывать еще лишній разъ дѣленіе на два при переводѣ десятинъ въ четверти? Я отвѣчалъ себѣ на этотъ вопросъ такъ. Вліяніе Византіи на русское землемѣріе выразилось главнымъ образомъ въ томъ, что оно ввело въ обиходъ русской оффиціальной жизни вмѣсто измѣренія площадей количествомъ высѣяннаго хлѣба, или количествомъ затраченнаго на обработку труда — измѣреніе геометрическое[3]). Я не буду повторять

1) Миклашевскій, Къ исторіи хозяйственнаго быта, стр. 31.
2) Милюковъ, Op. cit. стр. 40.
3) Миклашевскій, Къ исторіи хозяйственнаго быта, стр. 37.

здѣсь той аргументаціи, которая приведена въ цитированной работѣ моей, но позволю себѣ подкрѣпить ее еще нѣсколькими фактами и соображеніями.

Фактъ перевода десятинъ въ четверти по отказнымъ книгамъ и по предписаніямъ писцовыхъ наказовъ 17 вѣка не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но спрашивается — исполняли ли это предписаніе писцы? Пришлось пересмотрѣть не одинъ десятокъ писцовыхъ книгъ, чтобы удостовѣриться въ этомъ, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ послѣднихъ писцы почти не говорятъ о пріемахъ своихъ описаній. Тѣмъ интереснѣе показался намъ фактъ, найденный нами въ писцевой книгѣ Лихвинскаго уѣзда 7134 года[1]).

При описаніи земель этого уѣзда у помѣщика Ртищева оказалась лишняя земля. «И ноября въ 3-й день, читаемъ мы въ этой книгѣ, писецъ Василій Бутурлинъ да подьячій Юрій Сундуновъ, пріѣхавъ на тое пустошь велѣли мѣрять и по мѣрѣ въ пустоши Сонинской 5 длинниковъ, полтретья поперечниковъ и того 12 десятинъ съ полудесятиною, а четвертныя пашни середнія земли 25 четвертей, а доброю съ наддачею 20 четвертей, лѣсу пашеннаго въ длину на $^1/_2$ версты, а поперегъ тожъ; въ пустоши Макаевѣ 3 длинника, полтретья поперечника и того семь десятинъ съ полудесятиною, а четвертныя пашни 15 четвертей» и т. д. Въ общемъ итогѣ владѣній Ртищева подсчитано все количество четвертей и раздѣлено на три, а потому и получилась стеоретипная формула «въ полѣ столько-то, а въ дву потому жъ». Такимъ образомъ связь между десятиною и четвертію по памятникамъ 17 вѣка является несомнѣнною. Но можно ли устаповить эту связь для болѣе ранняго времени? Книги сошнаго письма даютъ возможность установить ее съ полною несомнѣнностію. Въ одной изъ самыхъ старыхъ изъ нихъ, составленныхъ, какъ то доказываетъ самъ П. Н. Милюковъ, читаемъ слѣдующее[2]). «А толко похочеши вѣдать мѣру подоброло (?), твердо и несуменно и ты первые измѣръ самую ту десятину въ дробны [квадратныя] сажени, да тогда будешъ и прочая разумѣти»... Ниже, на листѣ 49-мъ той же книги читаемъ: «а что по мѣрѣ будетъ въ чьемъ помѣстьѣ или вотчинѣ.. по запискѣ числомъ десятинъ и ты приведи въ четвертную пашню, а десятина 2 четверти, 2 десятины 4 четверти пашни» и т. д.

Отступимъ еще на нѣсколько шаговъ въ древность и остановимся на анализѣ любопытнаго памятника напечатаннаго П. Н. Милюковымъ въ его «Спорныхъ вопросахъ». Мы имѣемъ въ виду проэктъ введенія на Руси новой землемѣрной единицы — «поприща», составленный несомнѣнно въ 16 столѣтіи и притомъ человѣкомъ книжнымъ, интересовавшимся не только

1) А. М. Ю. № [1044? ср. Описаніе Арх. Юст., т. II, стр. 17, № 3166].
2) А. М. И. Д. № [$^{540}/_{1043}$; ср. Милюковъ, Op. cit., стр. 54 и сл.].

землемѣріемъ, но и важнѣйшими вопросами государственнаго устройства [1]), волновавшими лучшія умы россіи въ серединѣ 16 вѣка. Въ византійскомъ вліяніи на составителя этого проэкта, послѣ изслѣдованія П. Н. Милюкова врядъ ли можно сомнѣваться.

Интересующій насъ проэктъ начинается съ указанія, что съ введеніемъ геометрическаго межеванія «четырехграннымъ поприщемъ» въ 1000 квадратныхъ сажень «всякаго мятежа въ земныхъ умалитца, писаремъ умаленіе, збору престанутъ, мзды неправедныя улучатся, о еже землемѣрительніи и писаріе четвертію мѣряще и ратаемъ многимъ скорбемъ отъ об(ъ)яденія приносяще». Новую мѣру надобно ввести, по мнѣнію интересующаго насъ автора, «скорости ради мѣрныя», ради устраненія «вражды» и «тяжебъ». Далѣе, опредѣливъ ту ошибку, которая по его мнѣнію (кстати сказать неправильному), происходитъ при измѣреніи земли четвертями сѣву, для чего онъ предполагаетъ, что на одну квадратную сажень высѣвается $\frac{1}{1200}$ часть четверти ржаного сѣву (вычисленіе очень теоретическаго характера!), нашъ авторъ считаетъ, что четырехгранное поприще имѣетъ вдоль и вопоперекъ «по обѣма концема мужескъ обою рукъ саженъ тысяча» и заключаетъ въ себѣ «сѣменъ сѣянія 833 четверти съ третью»; раздѣленное «въ три поля раздѣленія ради житнаго», а слѣдовательно выраженное въ формулѣ «278 четвертей безъ полуосмины въ полѣ, а въ дву поляхъ потому жъ», оно будетъ представлять изъ себя между прочимъ то удобство, что его можно будетъ дать, при помѣстной роздачѣ, надо думать, «за 250 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ»; излишнія-же 28 четвертей безъ полуосмины въ каждомъ полѣ можно, по его мнѣнію, посчитать «за сѣно и лѣсъ». Проэктъ этотъ, какъ извѣстно не былъ принятъ московскимъ правительствомъ; но онъ представляетъ большой интересъ потому, что онъ есть попытка перейти къ болѣе совершенному способу измѣренія земли и превращенія четвертей сѣву въ болѣе точныя геометрическія мѣры. И не безъ основанія можно предполагать, что проэктъ этотъ не былъ принятъ именно потому, что не удовлетворялъ весьма многимъ, назрѣвавшимъ въ то время требованіямъ жизни. Во первыхъ онъ совершенно игнорировалъ разообразіе «четвертей сѣву» существовавшее въ то время на Руси и во вторыхъ онъ не принималъ во вниманіе существованія главнымъ образомъ, такъ называемыхъ «угодій», т. е. сѣнокосовъ и лѣсовъ, для измѣренія кото-

---

1) Богословскій [Нѣсколько словъ объ одномъ проектѣ реформъ XVI в. въ Тр. археогр. ком. Имп. Моск. археол. о-ва, т. I, в. 1 М., 1898 г., стр. 1—12]. См. также рукопись содержащую аналогичныя свѣдѣнія, въ Московскомъ Отд. Общ. Архива Импер. двора, гдѣ она хранится [Здѣсь И. Н. Миклашевскій не успѣлъ проставить номера рукописи. Повидимому эту же рукопись имѣлъ въ рукахъ г. Забѣлинъ.

рыхъ онъ не давалъ никакихъ средствъ, предлагая взамѣнъ угодій при измѣреніи «поприщами» считать за сѣно и лѣсъ, какъ тогда выражались, только излишки земли, получающіеся въ его «поприщѣ» сравнительно съ проэктируемою имъ единицею помѣстнаго оклада; кромѣ того проэктъ этотъ не ставилъ ни въ какое отношеніе новой единицы къ старой сохѣ и точно не опредѣлялъ, сколько четвертей должна заключать послѣдняя.

Изложенные факты и соображенія даютъ, мнѣ думается, право настаивать на справедливости сдѣланнаго мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ предположенія, что уравненіе «четверти сѣву» и урегулированіе всего сошнаго письма произошло путемъ принятія московскимъ правительствомъ, надо думать на Стоглавомъ Соборѣ, другого проэкта о которомъ намъ сохранилъ извѣстіе Татищевъ. Этотъ послѣдній сообщаетъ, что въ царствованіе Грознаго былъ составленъ наказъ писцамъ, которымъ предписано было «въ десятинѣ числити 2 четверти, соха добрыя земли 800, среднія— 1200 и худыя — 1800 четвертей» въ полѣ, а въ дву потому-жъ»[1]).

Ходъ мысли заставилъ меня нѣсколько отступить отъ послѣдовательности хронологической, если такъ позволено будетъ выразиться. Возвращаясь снова ко времени до изданія только что цитированнаго писцоваго наказа, опредѣлившаго какъ мы увидимъ ниже ходъ кадастровыхъ работъ въ Московскомъ государствѣ на достаточно значительный промежутокъ времени, мы должны признать, что разница въ величинѣ «четверти сѣву», объясняя колебанія размѣровъ старой московской сохи для *разныхъ* мѣстностей, оказывается, однако, недостаточной для того, чтобы объяснить колебанія размѣровъ сохи въ одной и той же мѣстности, и тѣмъ самымъ препятствуетъ еще болѣе «уловить между земельными размѣрами этихъ сохъ..... тоже преемство», которое хотѣлъ установить П. Н. Милюковъ между сохою новгородской и московской, пріурочивъ ту и другую къ нѣкоторому количеству «конной силы». Загадка, какъ и при какихъ условіяхъ соха, измѣнившись въ первоначальныхъ размѣрахъ превратилась въ хорошо знакомую намъ по писцовымъ книгамъ 2-й половины 16 и 17 вѣковъ окладную единицу — опредѣленныхъ размѣровъ геометрическую площадь земли, предназначенной для земледѣльческой культуры, остается въ большой мѣрѣ загадкой и для насъ. Но намъ кажется весьма сомнительнымъ и то утвержденіе П. Н. Милюкова, которое для этого высокоавторитетнаго ученаго кажется несомнѣннымъ, а именно что соха, «увеличившись въ размѣрѣ, продолжала из-

1) Ждановъ, Матеріалы для исторіи Стоглаваго Собора въ Журн. М. Нар. Просв. 1876. № 7. стр. 64. П. Н. Милюковъ думаетъ, что начало (20 сент. 1555 года), о которомъ говорится въ текстѣ есть лишь ученая конъектура Татищева. Спорн. вопросы стр. 54.

мѣряться количествомъ рабочей силы»[1]). Приводимые ниже факты, оправдываютъ, повидимому наши сомнѣнія и, главное, даютъ возможность установить нѣкоторую связь между старыми новгородскою и московскою сохами, нѣсколько инымъ путемъ, чѣмъ тотъ, которымъ шелъ П. Н. Милюковъ и его послѣдователи.

Мы указывали выше, что еще въ первой половинѣ 15 вѣка 10 новгородскихъ сохъ соединялись въ одинъ податной округъ для уплаты «намѣстнича корма». Въ уставной Онежской грамотѣ 1536 года[2]) намѣстничъ кормъ, исчисленный съ гораздо большею подробностію чѣмъ въ грамотѣ на черный боръ, но почти равный тому, который указанъ въ только что названномъ памятникѣ, взимается точно также съ 10 сохъ, причемъ въ каждой сохѣ считается по три обжи — явный признакъ того, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ областію, находившеюся во владѣніи Великаго Новгорода. Кормъ совершенно одинаковый съ обонежскимъ должны были уплачивать въ 1506 году[3]) крестьяне Марининской трети Артемовскаго стана, находившагося въ области, принадлежавшей Московскому Великому княженію, съ *шести* деревень, а по уставной грамотѣ князя Юрія Ивановича бобровникамъ 1509 года[4]), кормъ совершенно такого же размѣра какъ и въ предъидущихъ случаяхъ, взимался съ *пяти* деревень, причемъ въ грамотѣ установляющей этотъ налогъ сказано, что «тѣ кормы... съ *десятскими* и съ добрыми людьми (крестьяне) межъ себя мечутъ со столца *по дани и по пашнѣ*, которая деревня больше пашнею и угодьемъ, и они (т. е. крестьяне) на ту деревню больше кормовъ и поборовъ положатъ». Въ другихъ случаяхъ — кормъ, одинаковаго размѣра съ указаннымъ, взимался, съ *семи*[5]) деревень, а по уставной Бѣлозерской грамотѣ 1488 года[6]), такой же кормъ взимался съ каждой *сохи*; «со всѣхъ сохъ», сказано въ этой грамотѣ, «со княжихъ, и съ боярскихъ, и съ монастырскихъ, и съ черныхъ, и съ грамотниковъ и со всѣхъ безъ отмѣнки съ сохи за полоть мяса 2 алтына и т. д.» Изъ приведенныхъ фактовъ, повидимому, явствуетъ, что московская соха была податнымъ округомъ разнаго размѣра въ разныхъ мѣстностяхъ уже въ концѣ 15 столѣтія, но по своей платежной способности была приравнена 10 новгородскимъ сохамъ. Неудивительно, поэтому, что въ 1555 году[7]), т. е. почти черезъ 80 лѣтъ послѣ изданія Бѣлозерской гра-

1) Милюковъ, Op. cit. стр. 45.
2) А. А. Э. I, № 181.
3) А. А. Э. I, № 144.
4) А. А. Э. I, № 150.
5) А И. I, № 137: Уставная грамота крестьянамъ села Высоцкаго.
6) А. А. Э. I, № 123.
7) Доп. къ А. И. I, № 78.

моты, московское правительство прямо предписываетъ приравнять 10 новгородскихъ сохъ одной московской. Соха московская, значитъ, податной округъ, и правительство пользуется имъ и для разнообразныхъ административныхъ цѣлей. Въ 1512 году великій князь Василій Ивановичъ предписываетъ нѣкоему Давыду Сырневу ѣхать въ Ергольскій ямъ и приказать «на ямскомъ дворѣ хоромы подѣлати хрестьяномъ, Бѣлозерскими сохами, волостью Андогою, да волостью Ватболомъ, да волостью Андополомъ, да волостью Сузою, да волостью Ваксаловою, да волосткою Заколицею, да слободкою Курволокомъ, да слободкою Миротынцы, да селомъ Ергольскимъ, да селомъ Чюжбуемъ моими великаго князя *сельчаны* и митрополичьи, и владычными, и боярскими, и монастырскими, и черными, и оброчными и всѣми безъ отмѣны, чей кто ни буди; а ималъ бы еси съ сохи по два человѣка». Далѣе грамота предписываетъ подчинить мосты и дороги «тѣми же сохами». Въ 1509 году князь Симеонъ Ивановичъ предписываетъ игумену Троицкаго монастыря наряжать на княжескую рыбную ловлю по 5 человѣкъ съ сохи, а въ 1546 году игуменъ Кириллова монастыря Афонасій билъ челомъ князю, «что деи ихъ монастырскіе крестьяне, съ ихъ монастырскихъ селъ съ Кивуя да съ Вакшея, съ полу-сохи и съ половины полутрети сохи съ подводами стоятъ на Бѣлозерскомъ яму, да ихъ же деи монастырскіе крестьяне съ монастырскаго сельца съ Бабинскаго, съ шестой выти сохи, съ сохъ стоятъ на Арбушевскомъ стану» и просилъ освободить его крестьянъ отъ этихъ повинностей. Въ 1561 году князь Владиміръ Андреевичъ (удѣльный) пожаловалъ въ московской волости бобровничей *полу-сохи* крестьянъ: освободилъ ихъ отъ суда волостелина и ловчаго и предоставилъ имъ право «быти у нихъ въ судьяхъ ихъ же *полу-сохи* крестьяномъ, которыхъ они себѣ излюбятъ всѣми крестьяны той *полу-сохи*». Денежный оброкъ, положенный на эту *полу-соху* за властелинъ кормъ крестьяне должны были «сбирати ...межъ себя сами по пашнямъ, и по животомъ, и по статкамъ и по промысломъ».

Подведемъ нѣкоторые итоги сказанному.

Главный налогъ первой половины 16 вѣка—намѣстничъ доходъ или властелинъ кормъ и связанные съ нимъ «поборы», разверстывались, какъ то видно изъ грамоты Юрія Ивановича 1509 года, среди нѣсколькихъ деревень *по дани* и съ помощью *десятскаго*, причемъ доля, причитавшаяся на каждую деревню находилась въ зависимости отъ количества пашенъ и угодій въ каждой изъ нихъ. Налогъ раскладывался, значитъ *по дани и по силѣ*. Но онъ распредѣлялся также и *по сохамъ*, въ составъ которыхъ входило разное число деревень, разное количество дворовъ, людей и *сошной пашни*. Сохи были неравные податные округи, которыми правительство пользовалось иногда и для полицейско-административныхъ цѣлей. Припом-

нимъ теперь, что намъ извѣстно о взиманіи князьями татарской дани. Ея окладъ былъ выраженъ точною суммою денегъ и доля уплачиваемая каждымъ изъ князей опредѣлялась между-княжескими договорами. Каждый князь въ свою очередь договаривался съ подчиненнымъ ему населеніемъ относительно уплаты дани, распредѣляя ее по податнымъ округамъ — «по сохамъ», въ зависимости отъ количества людей, находившихся въ каждомъ изъ нимъ — по людемъ» и въ зависимости отъ ихъ имущественной состоятельности — «по силѣ». Доля каждаго плательщика опредѣлялась самимъ населеніемъ «повытно». Въ одной дѣльчей конца 16 вѣка мы находимъ объясненіе того, что была старая «выть». Въ 1585 году велѣно было отдѣлить землю ямскимъ охотникамъ одного изъ новгородскихъ ямовъ, въ которомъ было 50 человѣкъ ямщиковъ. Въ дѣльчей этихъ ямщиковъ читаемъ, что они «всѣ 50 человѣкъ, поговоря между себя полюбовно», .«раздѣлились на 5 вытей, а въ выти по 10 человѣкъ» и вслѣдъ за тѣмъ обратились ко государю съ такою просьбой. «Царь Государь... покажи намъ милость свою, вели намъ то свое жалованіе (т. е. землю)., за нами росписати на 5 вытей, а въ выти мы, десять человѣкъ сами поверстаемся, а хто хъ кѣмъ въ десятнѣ въ выти и мы имена свои, росписавъ по десятинамъ, Залежу Сысоеву съ товарищи дали». Не будетъ неправдоподобнымъ предположеніе, что десятни или десятины, или, слѣдовательно, выти въ смыслѣ нѣкоторой группы *людей*, связанныхъ общею обязанностію, упоминаемыя въ только что приведенномъ памятникѣ, совершенно аналогичны тѣмъ *десятинамъ*, съ которыхъ, почти за сто лѣтъ ранѣе, а именно въ 1490 году, Звенигородскій князь Андрей Владимировичъ разрѣшилъ Сторожевскаго монастыря игумену Діонисію «имать на монастырскимъ селахъ за *дань* и за всѣ пошлины» указанныя въ цитируемой грамотѣ деньги.

Люди «вытные» упоминаются въ памятникахъ этого времени. Въ жалованной грамотѣ углицкаго князя Андрея Васильевича Покровскому монастырю 1476 года говорится, что монастырь можетъ призывать изъ княжеской отчины *безвытныхъ* людей, .. «а тяглыхъ моихъ людей, письменныхъ и вытныхъ въ ту слободу имъ не принимати». «Вытные люди» — значитъ — люди тяглые, росписанные въ выти въ частномъ хозяйствѣ. Эти люди сидятъ на землѣ частного землевладѣльца и каждый изъ нихъ, договариваясь независимо отъ другихъ на участокъ земли, является участникомъ цѣлой выти въ уплатѣ повинностей въ пользу землевладѣльца. Въ хозяйствахъ однихъ землевладѣльцевъ выти — группѣ людей или дворовъ — соотвѣтствуетъ опредѣленный участокъ земли, называвшійся точно также *вытью*, въ хозяйствахъ другихъ разныя по числу дворовъ и людей выти получали и разное количество земли. Все это было дѣло внутренняго распорядка каждаго имѣнія. Этотъ распорядокъ удержался очень долго и мы

можемъ наблюдать его даже въ то время, когда соха получила полную опредѣленность въ качествѣ окладной единицы, равной извѣстному числу десятинъ или четвертей живущей и пустой пашни, а *выть* на земляхъ дворцовыхъ и черныхъ сдѣлалась составною частью сохи. Такъ, во владѣніяхъ князя Симеона Бекбулатовича «на выть» крестьянамъ давалось по 8 десятинъ худой земли, по 20—50 копенъ сѣна и нѣкоторое количество лѣсу. При описаніи каждаго двора (крестьянскаго) въ писцовой книгѣ владѣній этого князя, составленной въ концѣ 16 вѣка, всегда указано какую долю выти онъ взялъ на себя, а также какая часть выти—земельнаго участка—находится «въ пустѣ». Въ итогахъ каждаго «села съ деревнями», составлявшаго какъ хозяйственный округъ, находившійся подъ управленіемъ одного прикащика, такъ и округъ податной, а потому и положенный въ сошное письмо, по разсчету: соха худой земли равна 1000 четвертей, сосчитывается, сколько *вытей* находится «въ живущемъ и въ пустѣ». До сихъ поръ «выть является передъ нами въ видѣ земельнаго участка, служащаго, какъ то видно изъ дальнѣйшаго текста книги, основою для исчисленія «оброка и мелкаго дохода» въ пользу князя-землевладѣльца и его прикащика. Числомъ вытей и количествомъ всякого дохода, уплачиваемаго каждой вытью, можемъ мы сказать, опредѣляется интересъ землевладѣльца.

Тотъ же памятникъ даетъ намъ возможность выяснить и другое значеніе выти, когда она являлась не земельнымъ участкомъ, а группою домохозяевъ. Опредѣливъ доходы въ пользу князя и его прикащика въ данномъ хозяйственномъ округѣ, равно какъ и другіе платежи его населенія, а именно: присудъ, пошлины при продажѣ скота и строеній, размѣръ «выводной куницы» и «убруса», писецъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «а землями, и луги, и лѣсами, и всякими угодьи верстатися крестьяномъ межъ себя самимъ полосами или десятинами на всякую выть поровну и не черезъ землю, чтобъ крестьяномъ межъ себя спору и брани не было никоторыми дѣлы». Итакъ, землевладѣлецъ, опредѣливъ долю выти каждаго крестьянина и платежи, слѣдуемые со *всѣхъ* вытей, предоставляетъ въ то же время крестьянамъ разверстать земли и всякія угодья, а слѣдовательно и платежи, самимъ «на всякую выть поровну». Я думаю, что это противорѣчіе можетъ быть объяснено двоякимъ смысломъ слова «выть»: съ одной стороны, оно означало платежный участокъ, а съ другой группу крестьянъ — или крестьянскихъ дворовъ плательщиковъ При посредствѣ такой выти крестьянинъ ново-порядчикъ становился членомъ всей землевладѣльческой общины. «А на пустыя выти», читаемъ мы въ той же писцевой книгѣ, «прикащику, и старостамъ, и цѣловальникамъ, и всѣмъ крестьяномъ сельчаномъ и деревеншикомъ, называти жильцовъ на льготу, отъ отцевъ дѣтей, отъ дядья племянниковъ, или кто нибудь заволостной порядится, и давати

льготы года на 2, и на 3. и на 4 (по смотря по пустымъ дворомъ и по пашнѣ. А кто будетъ на пустое мѣсто порядится, безъ хоромъ, на переложную землю — и тѣмъ людямъ давати льготы лѣтъ на 5 и на 6. А на которыя пустыя выти порядится крестьянинъ, и прикащику и старостамъ и цѣловальникомъ писати въ книги подлинно порознь: какъ которому крестьянину имя и чей онъ сынъ и съ котораго лѣта и числа кто порядится и на колко вытей;.....а какъ льгота отойдетъ и тѣмъ крестьяномъ денежный оброкъ и посопный хлѣбъ и мелкій доходъ платити съ своею братьею *ровно*». Это наставленіе интересно во многихъ отношеніяхъ оно прекрасно иллюстрируетъ происхожденіе «письменныхъ» людей—это тѣ которые записаны въ книги порядныхъ записей, ведшіяся землевладѣльцами или ихъ хозяйственною администраціею; оно даетъ намъ объясненіе термина «вытные люди»: это тѣ. которые, порядившись на землю землевладѣльца, на выть или часть выти, обязываются въ тоже время давать землевладѣльцу не опредѣленную, заранѣе выговоренную сумму денегъ и отправлять въ пользу его другія повинности, а платятъ «съ своею братіею ровно», такъ какъ дѣйствительная фактическая разверстка земли и связанныхъ съ ней платежей и повинностей происходила внутри общины, безъ участія землевладѣльца, на всякую «выть» — т. е. группу крестьянъ одинаковой состоятельности — поровну.

Размѣръ земельнаго участка пахотной земли и другихъ угодій, данныхъ «на выть» въ имѣніяхъ князя Симеона Бекбулатовича, былъ болѣе или менѣе точно опредѣленъ. Это не значитъ, чтобы точно также было и въ имѣніяхъ другихъ владѣльцевъ. Число дворовъ и людей въ выти, равно какъ и количество паханой (т. н. «живущей») переложной (т. е. «пустой») земли и другихъ угодій (сѣна, лѣса и пр.) бывало иногда очень разнообразно въ рядомъ стоящихъ деревняхъ одного и того же землевладѣльца. Такъ было, напримѣръ въ имѣніяхъ Троице-Сергіева монастыря, находившихся въ Рузскомъ уѣздѣ и доставшихся ему по духовной грамотѣ А. А. Кутузовой. Писцовая книга этихъ имѣній составлена (1593—94 годахъ) совершенно по тому же типу, какъ и только что цитированная. И здѣсь, какъ и въ предшествующемъ случаѣ «село съ деревнями» образуетъ одинъ хозяйственный и въ тоже время податной округъ, потому и положенный въ сошное письмо. Для большой наглядности представляемъ данныя этой книги въ видѣ таблицы, въ двухъ послѣднихъ графахъ которой помѣщаемъ вычисленныя нами, на основаніи приводимыхъ въ таблицѣ цыфръ, сколько дворовъ и «живущей» земли приходится на выть. Вотъ эта таблица:

	Дворовъ крестьянскихъ.	Крестьянской пашни паханой худой земли четвертей.	Перелогу и лѣсомъ поросло четвертей.	Сѣна копенъ.	Лѣсу пашеннаго десятинъ.	Въ живущемъ вытей.	На выть приходится дворовъ.	На выть пашни паханой худой земли четвертей.
Село Торхово[1]; да къ нему припущена въ пашню дер. Старая.	9[2]	40	180	180	13	$3^{1}/_{12}$	2,6	$12^{36}/_{37}$
Дер. Вырубково	2[3]	10	9	10	1	$^{1}/_{2}$	4	20
» Онфилосово	4[4]	14	$19^{1}/_{2}$	5	—	1	4	14
» Головково	2[5]	14	42	23	—	$^{1}/_{2}$	4	28
» Щапово	3[6]	24	4	20	20	1	3	24
» Княгенино	2[7]	12	16	33	—	$^{2}/_{3}$	3	18
» Тарасово	4[8]	11	6	40	—	$^{5}/_{6}$	4,8	$13^{1}/_{6}$
» Микулино	3[9]	16	17	—	—	$^{3}/_{4}$	4	$21^{1}/_{3}$
» Полыгалово	3[10]	12	17	3	—	$^{3}/_{8}$	8	32
» Костково	1[11]	9	$21^{1}/_{2}$	20	—	$^{1}/_{2}$	2	18
» Оленино	2[12]	5	29	30	—	$^{1}/_{2}$	4	10
» Кобылино	4[13]	12	6	20	—	$^{3}/_{4}$	$5^{1}/_{3}$	16
» Остафьево	6[14]	12	63	70	—	1	6	12
» Корелево	1[15]	10	26	30	—	$^{1}/_{3}$	3	30
5 пустошей								

[1]) Въ селѣ Торховѣ былъ дворъ монастырскій, 60 четвертей пашни худ. земли монастырской, 4 двора церковнаго причта и 2 двора бобыльскихъ. [2]) Изъ нихъ 7 дворовъ на $^{1}/_{4}$ выти, 1 дворъ на выти и 1 на $^{1}/_{3}$ выти [3]) Изъ нихъ одинъ на $^{1}/_{3}$, другой на $^{1}/_{6}$ выти. [4]) Каждый на $^{1}/_{4}$ выти. [5]) Каждый дворъ на $^{1}/_{4}$; въ одномъ дворѣ 2 человѣка (брата), кромѣ того 2 дв. бобыльскихъ. [6]) Каждый на $^{1}/_{3}$ выти; кромѣ того 1 дв. бобыльскій. [7]) Каждый на $^{1}/_{3}$ выти. [8]) Изъ нихъ 2 двора на $^{1}/_{6}$ и 2 на $^{1}/_{4}$ выти каждый. Въ книгѣ ошибка: вмѣсто итога $^{2}/_{6} + {}^{2}/_{4} = {}^{5}/_{6}$ значится $1^{1}/_{6}$ выти. Пашня лѣсомъ поросшая показана въ десятинахъ. [9]) Каждый на $^{1}/_{4}$ выти. [10]) Изъ нихъ 1 дв на $^{1}/_{2}$, 1 — на $^{1}/_{6}$ и 1 на $^{1}/_{12}$ выти [11]) на $^{1}/_{2}$ выти. [12]) Каждый на $^{1}/_{4}$ выти. [13]) Изъ нихъ 2 двора каждый на $^{1}/_{4}$ и два—каждый на $^{1}/_{8}$ выти. [14]) 4 двора на $^{1}/_{8}$ и 2 на $^{1}/_{4}$ выти каждый. [15]) На $^{1}/_{3}$ выти.

Изъ нашей таблицы видно, что между числомъ дворовъ, положенныхъ въ выти, и количествомъ земли, приходившейся на выть въ Рузскихъ имѣніяхъ Троице-Сергіева монстыря, никакого соотвѣтствія не было и число дворовъ въ выти колебалось между двумя и восьмью, а количество «живущей» пашни—между 10 и 32 четвертями.

Приведенные факты и соображенія не даютъ полнаго матерьяла для рѣшенія вопроса о происхожденіи старой московской сохи. Можно сказать,

что они содержатъ въ себѣ только намеки на ея происхожденіе. Но историкъ часто долженъ довольствоваться намеками, если источники не даютъ большаго. Я представляю себѣ происхожденіе этой сохи слѣдующимъ образомъ. Древнерусское «рало», соотвѣтствовавшее сохѣ и означавшее хозяйство извѣстныхъ размѣровъ, служившее окладною единицею до татарскаго завоеванія едва ли не на всемъ пространствѣ тогдашней Руси, удержалось въ видѣ сохи и обжи только въ Новгородской области, болѣе удаленной и, главное, болѣе сильной экономически, чѣмъ остальныя русскія земли того времени. Въ областяхъ, признавшихъ съ теченіемъ времени власть Московскаго княженія, въ старой удѣльной Руси, слабой экономически и сильно подчинившейся татарскому владычеству, древне русское рало—соха очень скоро перестало означать хозяйство, такъ какъ татарская дань была налогомъ поголовнымъ и татарскіе ханы интересовались не тѣмъ, сколько на Руси было сохъ, а сколько въ ней было людей. Князья, выговоривъ себѣ право доставлять въ Орду въ видѣ дани опредѣленную сумму денегъ и опредѣливъ долю, причитавшуюся па каждаго изъ нихъ взаимными договорами, вернулись къ поимущественной системѣ обложенія и, предоставивъ самому населенію производить разверстку налоговъ между плательщиками, опредѣлили лишь извѣстные податные округи, удержавшіе названіе «сохи». Эти сохи были не равны. Въ каждой изъ нихъ было различное число деревенъ, разное число дворовъ и людей, дѣлившихся на выти, разное количество сошной пашни, измѣрявшейся четвертями сѣву. По мѣрѣ распространенія власти великаго князя Московскаго и присоединенія отдѣльныхъ земель къ Москвѣ, не равныя окладныя единицы — сохи — получали одинаковое окладное значеніе и главные налоги 15 вѣка—намѣстничъ доходъ или властелинъ кормъ и связанные съ ними поборы, стали ложиться на населеніе крайне неравномѣрно. Эти обстоятельства и вызвали необходимость въ болѣе точномъ опредѣленіи податнаго значенія сохъ, принадлежавшихъ разнымъ землевладѣльцамъ, равно какъ и установленіи опредѣленныхъ размѣровъ сохъ путемъ геометрическаго измѣренія ихъ. На каждую соху того или другого разряда землевладѣнія стали отмѣривать опредѣленное число десятинъ, переводя ихъ въ четверти, по разсчету десятина равна 2 четвертямъ. Такимъ образомъ четверти уравнялись на всемъ пространствѣ страны и, наконецъ, было опредѣлено значеніе земель разнаго *качества*.